ТЕРЕЗА РОМЕЙН

Страсть выбирает отважных

ШАРМ

Тереза Ромейн
Страсть выбирает отважных
Серия «Королевские награды», книга 2
Серия «Шарм (АСТ)»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48693890
Тереза Ромейн Страсть выбирает отважных:
ISBN 978-5-17-112420-5

Аннотация

Джорджетта Фрост прекрасно знала: не вступив в брак до достижения двадцати одного года, она, согласно условиям родительского завещания, останется без гроша. Однако отважная девушка предпочла замужеству по расчету смертельно опасную охоту за огромной суммой золотом, дерзко похищенной преступниками у королевской казны.

Но разве мог лучший друг ее старшего брата Хьюго, лорд Старлинг, подающий надежды молодой врач и джентльмен до мозга костей, позволить хрупкой Джорджетте ввязаться в такую авантюру в одиночку? Особенно – если учесть, что он с каждым днем все яснее понимал, что его тревога за судьбу Джорджетты и готовность ее защитить любой ценой вызваны отнюдь не дружбой, а куда более пламенным чувством?..

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 22
Глава 3 41
Глава 4 69
Глава 5 89
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Тереза Ромейн
Страсть выбирает отважных

Theresa Romain
PASSION FAVORS THE BOLD

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Перевод с английского Е. Ю. Елистратовой
Компьютерный дизайн Г. В. Смирновой
В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.
Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Theresa St. Romain, 2017
© Перевод. Е. Ю. Елистратова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Глава 1

Лондон, конец мая 1817 года

Хоть Джорджетта Фрост и была наделена богатым воображением – а чего еще ждать от девушки, выросшей в книжном магазине? – но и она не смогла бы представить себе нынешнюю ситуацию даже в самых смелых своих мечтаниях. И дело вовсе не в том, что на ней сейчас была мужская одежда: волшебные сказки очень часто повествовали о героинях голубых кровей, вынужденных переодеваться мужчинами, дабы сбежать от злых и деспотичных родственников-опекунов. К тому же в жилах Джорджетты текла вовсе не голубая кровь – скорее уж кровь ее была приправлена чернилами многих поколений предков, подвизавшихся на ниве книготорговли. А кузина Мэри вовсе не была злой и деспотичной, просто ее одолевали бесконечные заботы, так как на ней был не только магазин, но и целый выводок маленьких детей.

Но Джорджетту нисколько не пугала перспектива отправиться одной в большой мир, уложив свои скромные пожитки в небольшой сундучок, – ведь она наконец-то освободилась от бесконечных книжных полок и покупателей в накрахмаленных воротничках, постоянно донимавших ее своими вопросами, и чувствовала себя сейчас восхитительно свободной. Так она и явилась на почтовую станцию, намерева-

ясь впервые в жизни составить компанию старшему брату в его странствиях.

Была, однако, проблема – всего одна, зато весьма существенная. И проблемой этой являлась чопорная личность шести футов роста, с ястребиными чертами лица. То был лорд Хьюго Старлинг, младший сын герцога Уиллингема и друг Бенедикта, старшего брата Джорджетты. Этот джентльмен казался воплощением холодной рассудочности – суровый ученый-книжник и затворник к тому же. И, появляясь в книжном магазине семейства Фрост, сей немногословный лорд неизменно демонстрировал все эти качества. Он, казалось, вечно злился на весь мир, за исключением последней книги, что попалась ему на глаза.

К сожалению, лорд Хьюго не всегда проводил время в книжных магазинах – именно поэтому Джорджетта столкнулась с ним на почтовой станции, так и не успев занять место в дилижансе. После публичной перепалки, которая не делала чести ни ему, ни ей – хотя лорду Хьюго все-таки не следовало совать свой нос с изящной горбинкой в ее дела, – Джорджетта нехотя забралась в его карету.

И теперь он с комфортом восседал на мягких бархатных подушках, а она сидела напротив, гневно сверкая глазами.

– Милорд, отчего вы говорите, будто то, чего я хочу, невозможно? Вы же сами спросили меня, куда я хочу поехать.

– Да, спросил. Но я не сказал, что готов вас туда отвезти.

Было бы неправильно отправлять вас в дикие дебри Дербишира.

Дебри? Джорджетта чуть не рассмеялась. Вероятно, Дербишир со всеми его обширными лугами и стадами действительно мог показаться дикими дебрями лондонскому аристократу, который с таким изяществом умел повязывать шейный платок. Джорджетта и сама выросла в Лондоне. Но если твой старший брат служит в Королевском флоте, то можешь считать, что кое-что повидала – пусть даже черпая информацию только из его писем.

Однако эта карета… Она-то явилась из того мира, которого Джорджетта совсем не знала, – из мира роскоши. И действительно, все здесь сияло и благоухало, а на мягчайших бархатных подушках – ни пылинки!

Джоджетта тихонько вздохнула. Ее видавшая виды куртка и мальчишеские ботинки казались на улице отличной маскировкой, но сейчас она чувствовала себя жалкой замухрышкой. Бледно-золотистые пряди, выбивавшиеся из-под ее кепи, казались тусклыми и неопрятными… И вообще все было просто ужасно! Она теперь была как Рапунцель, которую снова заточили в башне. Или, возможно, Золушка, для которой нашлась работа потяжелее.

А лорд Хьюго, когда спасал ее – нет, похищал! – был обрызган жидкой грязью и облит каким-то дешевым пойлом. Его дорогой сюртук был весь в пятнах, и от него жутко воняло спиртным, однако милорд каким-то образом сохранял

совершенно невозмутимый вид и был, как казалось, вполне уверен в себе. Подобно своей карете, он был сама элегантность!

Снова вздохнув, Джоржетта пробурчала:

– Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Я собиралась разыскать брата.

Лорд Хьюго что-то пробормотал себе под нос («дурацкая затея» – так ей показалось), а потом он спросил:

– Хотите добыть королевскую награду, не так ли? Ваш брат уверен, что сможет ее заполучить. А вы, значит, решили ему помочь?

– Да, разумеется, – кивнула Джорджетта. – А кто же откажется от пяти тысяч фунтов?

Пять тысяч фунтов! Именно такова была награда, которую Королевский монетный двор посулил тому, кто укажет местонахождение ценной пропажи – пятидесяти тысяч золотых соверенов. Это были совсем новые монеты, еще не выпущенные в обращение; неизвестные похитили их несколькими неделями ранее во время загадочного и жестокого налета на монетный двор. Грабители убили четверых охранников и вынесли шесть сундуков с золотыми соверенами. С тех пор о золоте никто ничего не слышал, а потом вдруг один из украденных соверенов появился в небольшой дербиширской деревушке, и туда тотчас изо всех уголков Англии устремились толпы искателей сокровищ.

В эту-то деревню под названием Строфилд отправился

и Бенедикт, как только вернулся из своего последнего плавания. И именно туда хотела поехать Джорджетта – чтобы разыскать брата, а заодно добыть себе состояние.

– Поживете у моей матери, пока мне не представится возможность написать вашему брату, – проговорил лорд Хьюго. – Станете гостьей герцогини Уиллингем. По-моему, это будет… очень мило.

Скрестив на груди руки, Джорджетта решительно заявила:

– Нет, не поеду!

Сказано это было, конечно же, очень резко, но ведь и лорд Хьюго не очень-то церемонился, когда увозил ее с почтовой станции. И в результате пропал ее билет, на который она долго копила деньги, с трудом откладывая гроши из своего жалованья в книжном магазине. Ох, выходит, она зря истратила деньги!

– Ваше поведение никак нельзя назвать любезным, – продолжила Джорджетта. – Вы сказали в толпе незнакомых людей, что я – ваш вороватый племянник, который украл столовое серебро у своей умирающей матери!

Ему бы смутиться, но этот проклятый аристократ криво усмехнулся и заявил:

– Зуб за зуб, знаете ли… Вы ведь сказали, что я пьян… А еще вы сказали своим родственникам, будто вас пригласили погостить в моей семье. Разве не справедливо будет, если хоть одно из ваших лживых измышлений окажется правдой?

– Да, разумеется. Я разрешаю вам как следует напиться, но не раньше, чем вернете мне деньги, потраченные на билет, – вот так-то.

Лорд Хьюго провел ладонью по подбородку, потом с видом крайней усталости откинулся на подушки и пробормотал:

– Я усадил вас в мою карету, мисс Фрост, потому что вашему брату хотелось бы видеть вас живой и невредимой. И на этом мы прекращаем дискуссию, ясно?

– Что ж, прекрасно. Значит, вы со мной согласны. – Джорджетта ухмыльнулась и добавила: – Следовательно, вы отвезете меня к Бенедикту, не так ли?

– Я не могу позволить вам путешествовать в одиночку, мисс Фрост, – ответил Хьюго. – Это было бы неправильно, потому что молодая женщина, одна… Возможно, найдутся люди, которые захотят вас обидеть.

– Поэтому я и переоделась мальчишкой, – сказала Джорджетта. – Так что если вы боитесь оставить меня одну, то можете отвезти в Дербишир.

– Нет-нет, об этом не может быть и речи. Дела удерживают меня в Лондоне.

– Что за дела?

– Великое множество дел, мисс Фрост. Сегодня, например, у меня встреча с председателем Королевского общества в Сомерсет-Хаусе. А потом я должен изучить в Королевском колледже новый трактат об инфекциях.

– Еще раз произнесите слово «королевский»! – воскликнула Джорджетта.

– Зачем? – Лорд Хьюго взглянул на нее с подозрением.

– Очень уж странные у вас увлечения, милорд. А вам разве так не кажется?

Лорд Хьюго молча пожал плечами. А карета тем временем покачивалась, увозя ее все дальше от почтовой станции. Но куда же она ехала? Может, все-таки в Дербишир? Нет, едва ли…

Джорджетта тяжело вздохнула и проговорила:

– Лорд Хьюго, я не хочу гостить у вашей матушки. Я хочу увидеть брата. Неужели вы не способны это понять?

– Да куда уж мне… – пробормотал Хьюго. – Не зря же мои родственники меня стыдятся…

Джорджетте тут же начали мерещиться всякие ужасы вроде потайных комнат и жестоких пыток. С подозрением взглянув на своего спутника, она поинтересовалась:

– Отчего бы это?

– Отчего?.. – Лорд Хьюго криво усмехнулся. – Ну, хотя бы из-за того, что я поехал учиться в медицинский колледж, вместо того чтобы стать священником. А теперь частенько прихожу к больным. Иногда не брезгую и хирургическими операциями…

Джорджетта с облегчением выдохнула:

– Кажется, я понимаю, почему вы их так презираете.

Лорд Хьюго поморщился, но тут же поспешил сделать

вид, будто поправляет белую накрахмаленную манжету.

– Я шучу, – продолжила Джорджетта. – И лично мне ваше поведение кажется… – Она задумалась, подбирая нужное слово. – Кажется вполне приемлемым.

– Приемлемым?.. – с удивлением переспросил Хьюго. Тут карета качнулась, и ему пришлось упереться ладонью в обитый мягкой тканью потолок, чтобы удержать равновесие.

– Поэтому вы и посещаете все эти… «королевские» учреждения? – допытывалась Джорджетта. – Хотите побольше узнать о том, как выхаживать больных?

– Цели у меня более прозаичные. Я подыскиваю директора для частной больницы, – отозвался Хьюго, строго глядя на собеседницу. – Кажется, вы собираетесь задать очередной вопрос, не так ли?

– Я бы никогда не осмелилась вмешиваться в дела, которые меня не касаются. – Девушка бросила на лорда выразительный взгляд.

– Уверен, что так и есть, – с усмешкой кивнул Хьюго. – Видите ли, часто случается так, что неопытные хирурги сразу хватаются за нож и оперируют, в то время как другие хирурги, прошедшие отличную медицинскую практику, вынуждены бубнить лекции студентам, теряя квалификацию. Мне кажется, нужно как-то решить проблему, и я намерен заняться этим лично.

– Значит, вы встречаетесь с разными важными людьми, чтобы собрать деньги, потому что собственная семья не под-

держивает ваши идеи?

– Именно так. Честность – самый разумный способ добыть требуемое.

– Добыть… среди сливок общества? – Джорджетта презрительно фыркнула. – Вряд ли получится. И знаете… Я передумала. Возьмите меня с собой. Хочу на все это посмотреть…

Хьюго тотчас же покачал головой.

– Нет-нет, это дело чрезвычайно деликатное. Если я могу рассчитывать на то, чтобы убедить их на этот раз…

– На этот раз? Так вы уже пытались?

Хьюго отвел взгляд и пробурчал:

– Да, дважды.

– Неужели вы собираетесь атаковать их доводами, которые они уже отвергали?

– Да, собираюсь. Потому что они ошибаются и…

– Ни слова больше, – перебила Джорджетта. – Меня бы ваши доводы убедили, – произнесла она со вздохом.

– Мне следует высадить вас прямо сейчас, – проворчал лорд Хьюго.

– Дайте мне денег, чтобы я могла сесть в дилижанс до Строфилда в графстве Дербишир. И тогда я не стану вам надоедать. – «Сбегать так сбегать…» – мысленно добавила девушка.

После смерти родителей Джорджетты Бенедикт, ее старший брат, унаследовавший книжный магазин, тут же продал

его кузине Мэри и ее супругу, предполагая, что Джорджетта будет жить с ними, пока ей не исполнится двадцать один год. Но Мэри с ее многочисленным семейством – целым выводком малолетних детей – куда больше нужна была еще одна служанка, нежели кузина, помогавшая в книжном магазине. Жалованья Джорджетты, пусть и весьма скудного, как раз хватило бы на то, чтобы нанять помощницу по хозяйству.

Вот Джорджетта и решила, что лучше уж уйти сейчас, чем ждать, когда ее через несколько недель выставят вон – со всей любезностью и множеством извинений, – и лучше побыстрее выйти из кареты лорда Хьюго…

Она уже протянула руку, чтобы постучать в потолок кареты и заставить кучера остановиться, но тут лорд Хьюго проговорил:

– Погодите, прошу вас.

Джорджетта взглянула на него вопросительно.

– Мисс Фрост, прошу вас, не подвергайте себя опасности, – проговорил Хьюго.

Пожав плечами, Джорджетта сложила руки на коленях и тихо сказала:

– Милорд, я вовсе не собираюсь подвергать себя опасности. Я всего лишь хочу разыскать брата.

– Я как раз и пытаюсь помочь вашему брату, – заявил лорд Хьюго. – И вам тоже, мисс Фрост. Как вы думаете, отчего я так часто приходил в ваш магазин?

– Потому что вам нужны книги.

– Книги можно купить где угодно.

Джорджетта промолчала, не зная, что на это ответить. А ее спутник повернулся к окну и стал возиться с задвижкой.

– Денек-то теплый, – проворчал он. – Не мешало бы глотнуть свежего воздуха. Вот так, готово… Теперь гораздо лучше, не правда ли?

Девушка и на сей раз затруднялась с ответом. Вообще-то воздух на улице был почти таким же тяжелым и влажным, как в карете. К тому же в открытое окно влетали хлопья сажи – точно черные снежинки, – и у нее от этого защипало глаза. А лорд Хьюго… Хм… сейчас он выглядел немного уставшим. И он вроде бы слегка смутился, отчего казался весьма красивым мужчиной. Всегда бы так!

Уставившись на носки своих старых ботинок, Джорджетта пробормотала:

– Спасибо вам за заботу.

– Будь вы моей сестрой, ни за что на свете не позволил бы вам сбежать из дому на поиски сокровищ, – проворчал лорд Хьюго. И этим своим замечанием все испортил.

Вскинув руку, Джорджетта воскликнула:

– Позвольте-позвольте, милорд! В данном случае вам лучше помолчать. Будучи вашей сестрой, я не испытывала бы нужды в деньгах, жила на облаке из сахарной ваты и ела бы из алмазных тарелок!

– Но алмаз слишком твердый материал для тарелок, – резонно заметил лорд Хьюго, и помолчав, добавил: – Однако

мои сводные сестры действительно обожают сахарную вату.

– Знаете, Хьюго… – Джорджетта впервые назвала его по имени, забыв про слово «лорд», и он взглянул на нее с удивлением. Да, с удивлением, но не более того. – Так вот: вы спросили, куда я хочу поехать. Поймите, Бенедикт – мой единственный близкий родственник. Конечно, я не очень хорошо его знаю, и мне неизвестно, что у него за жизнь, но я уверена: с ним мне будет гораздо лучше, чем одной. И поэтому… – Собравшись с духом, девушка заявила: – А ведь вы можете поехать со мной. Вы вполне могли бы бросить все свои важные дела и попробовать что-то новое – например добыть королевскую награду.

«Какая глупость!» – мысленно воскликнул Хьюго, но когда немного подумал… предложение мисс Фрост не казалось уже таким глупым.

Минуту спустя лорд Хьюго откашлялся и проговорил:

– Но только в том случае, если вы снимете этот ваш дурацкий мальчишеский наряд. Не представляю, как вам удавалось обмануть хоть кого-нибудь…

Джорджетта пожала плечами.

– Люди видят то, что хотят видеть, но провести Бенедикта я бы не смогла.

Последние ее слова были чистейшей правдой. На службе во флоте его величества Бенедикт вследствие тропической болезни потерял зрение и с тех пор ориентировался в окружающем его мире лишь с помощью слуха и осязания, но вряд

ли какая-нибудь мелочь могла ускользнуть от его внимания.

– Что ж, я готова! – радостно воскликнула девушка. – Если вам не нравится мой костюм мальчишки, я надену собственную одежду и стану путешествовать в роли вашей сестры.

– Я еще не сказал, что готов путешест…

– Отлично! – крикнула Джорджетта; ее глаза восторженно сияли. Она чуть наклонилась, и кепка, и без того едва державшаяся на голове, тотчас упала на пол, копна золотистых волос сказочной героини рассыпалась по плечам – и до самой талии. – Если вы мне поможете, я возьму деньги, а вам достанется слава. Вы станете знаменитым и сможете получить пожертвование… на свой приют.

Хьюго возмутился:

– «Приют» совершенно неуместное слово, если речь идет о больнице, где можно спасти множество жизней. И вообще: почему бы мне не взять себе и славу, и деньги заодно?

– Потому что с вашей стороны это было бы свинством. К тому же… Ведь если вы прославитесь, то зачем вам деньги?

Брови Хьюго взметнулись на лоб.

– Вот как вы заговорили?.. Может, еще устроите скандал? Нет-нет, этого мне не надо. Люди подумают, будто я похитил столь непочтительную девицу и…

– Даю слово, что не стану рассказывать про похищение, – перебила Джорджетта. – Если вы опять не попытаетесь увезти меня насильно, – продолжила она.

Значит, похищение? Боже правый! Вот благодарность за то, что он вытащил эту девицу из толпы. А ведь если бы под маской бедно одетого паренька эти мужланы разузнали в ней девицу благородного воспитания… О, ей бы тогда не поздоровилось… даже не представляет как.

– Если вы повезете меня в Строфилд, – сказала Джорджетта, – я буду вести себя прилично.

Изображая скромность и послушание, она потупила свои чудесные светлые глаза, похожие на бледное летнее небо. И волосы у нее тоже были светлые… Встречая ее в лабиринтах книжных полок в магазине Фростов, Хьюго не раз думал о том, что эта девушка как будто сошла со страниц книги сказок. Хм… странная мысль. Очень для него нехарактерная.

После того как лорд Хьюго, одно время изучавший медицину в Эдинбурге, подружился там с братом Джорджетты, он частенько заходил в книжный магазин и видел, как тяжко ей приходилось трудиться. Она или собирала одежду для стирки, или подхватывала на руки какого-нибудь своенравного малыша своей кузины, или просматривала счета, или складывала в стопки книги – в общем, не знала ни минуты покоя!

Невольно вздохнув, он спросил:

– Мисс Фрост, вы хотите найти брата или украденные золотые?

Джорджетта ненадолго задумалась.

– Сначала – второе. А потом первое.

– Следовало самому догадаться, – пробурчал Хьюго. – Но

прошу вас, объясните мне, каким образом слава охотника за украденными соверенами повысит доверие ко мне в медицинских кругах? И еще более интересный вопрос: каким образом эта слава превратится в финансовую помощь для моей больницы?

– Вы найдете соверены и станете героем в светском обществе. И тогда все, что бы вы ни сказали и ни сделали, будет законом для влиятельных людей, – заявила Джорджетта с таким видом, будто все ею сказанное разумелось само собой.

«Что ж, может, в ее словах действительно есть смысл», – подумал Хьюго. Увы, все влиятельные особы – в том числе и его отец, перед которым трепетала семья, – обнаруживали поразительную глухоту к логическим доводам Хьюго, когда он, например, говорил о повышении урожайности полей при условии, что арендаторы будут здоровы и сыты. Точно так же эти люди относились к его отчетам об инфекциях, гнойных ранах и грязных больничных палатах… Но, может быть, слава охотника за золотом что-то изменит в их отношении к его планам?

«Отвезите меня в Строфилд!» При этих словах перед ним возникали чудесные картины, например – огромное летнее небо… И, конечно же, в этой деревушке не было едких испарений хлорки и тяжелого больничного запаха. Да-да, больничный запах… К сожалению, он далеко не всем мог помочь.

А Джорджетта тем временем продолжила:

– Кроме того, подумайте о том, сколько людей вы сможете спасти в своей больнице, если найдете похищенное золото и прославитесь.

Хьюго скрестил на груди руки и тихо произнес:

– Но вы-то думаете только об одном человеке – о самой себе.

Пристально взглянув на него, Джорджетта вдруг просияла.

– О, замечательно! – воскликнула она. – Когда складывают руки на груди, это верный знак, что человек готов изменить какое-то свое решение.

– Я вовсе не… – Хьюго опустил руки. – Но откуда вы… как вы… – Он в смущении умолк.

– Я научилась распознавать подобные сигналы, пока работала в нашем книжном магазине, – с улыбкой пояснила девушка. – И знаю, когда следует надавить, чтобы заставить посетителя сделать покупку.

«Похоже, она и впрямь прочла мои мысли точно раскрытую книгу», – подумал лорд Хьюго, но пока не собирался признаваться, что готов уступить. Невольно улыбнувшись, он заметил:

– Подумать только – дьявольский ум в такой очаровательной златовласой головке…

Джорджетта нахмурилась и пробурчала:

– Что дьявольского в том, что мы оба получим желаемое?

На это лорду Хьюго нечего было ответить. И теперь оста-

вался лишь один вопрос: кто он в этой сделке – дьявол или же бедняга Фауст, вынужденный продать свою душу?

Глава 2

– Вам придется остаться в карете, – заявил Хьюго, когда экипаж наконец остановился.

И действительно, Джорджетта Фрост была вопиющим нарушением приличий с головы до ног – с растрепанной копной вьющихся волос до старых мужских ботинок. Такой девице, конечно же, не место в Сомерсет-Хаусе.

Высунувшись из окна кареты, Хьюго разглядывал весьма внушительное и хорошо ему знакомое здание, представлявшее собой нагромождение колонн, арок и этажей, вольготно раскинувшееся на улице Стрэнд.

Лорд Хьюго Старлинг почти никогда не совершал ошибок, и его козырями были спокойствие и логика, рассудительность и тщательный анализ. Но иногда ему все же случалось ошибаться, и именно сейчас он совершил ошибку – привез с собой в Сомерсет-Хаус девицу Джорджетту Фрост. Но с другой стороны, сегодня он был просто обязан встретиться с президентом Королевского общества, так что ничего не поделаешь…

Когда Хьюго уже взялся за ручку дверцы, Джорджетта воскликнула:

– Погодите! У меня идея!

Хьюго замер на мгновение, потом пробормотал:

– Вы до смерти меня напугали. Что за идея?..

– Мне лучше пойти с вами, – заявила Джорджетта. – Я сумею отвлечь их внимание от… – Она кивком указала на его сюртук.

– То есть от моего дурно пахнущего и залитого каким-то пойлом сюртука? – проворчал Хьюго. – А ведь совсем недавно он замечательно выглядел. Вот к чему привела моя попытка спасти вас! – Он со вздохом откинулся обратно на подушки. – Похоже, после общения с вами, мисс Фрост, я отправлюсь прямиком в дом умалишенных.

Девушка весело рассмеялась.

– Не забывайте, что я вовсе не просила вас о помощи и не ждала ее. Что касается вашего сюртука… Конечно, он уже не станет чистым, однако с моей помощью ваша встреча с председателем пройдет более гладко. Кроме того, вы могли бы…

– У вас что-то еще? – в притворном ужасе воскликнул Хьюго.

– Да, кое-что еще. Вы можете звать меня просто по имени. Мы с вами уже довольно давно знакомы, поэтому нам следует оставить официальный… – Девушка внезапно умолкла, потом вновь заговорила: – Знаете, пока что не зовите меня Джорджеттой. – Ухватившись за концы прядей, она принялась закручивать волосы в тугой узел. – Пока я одета как мальчишка, меня будут звать… Колючка! – Казалось, она вовсю развлекалась.

Хьюго же нахмурился и проворчал:

– Я не буду называть вас Колючкой.

– Хорошо, не надо. Я ведь вас, папаша, совсем не знаю. Откуда вам знать мое имя?

– Папаша? – Теперь Хьюго очень жалел, что не успел распахнуть дверцу и выскочить из кареты, пока была такая возможность.

– И я не стану говорить вам «милорд». Ведь мы только что встретились… Откуда мне знать, что вы особа голубых кровей?

– Ваш маскарад отнюдь не убеждает меня в разумности вашего предложения.

– Все пройдет замечательно. Главное – доверьтесь мне. – Джорджетта стянула волосы в узел и спрятала золотистую копну под кепи. – Это же отличный ход – привести с собой уличного мальчишку, которого можно будет вылечить в этой вашей новой больнице! Что может быть разумнее?

– Много чего… – буркнул Хьюго. – Существует великое множество куда более разумных… – Он закашлялся и умолк: почему-то вдруг стало трудно дышать – не помогало даже открытое окно.

– Вы все еще думаете об испорченном сюртуке? Вот из-за этого точно не нужно беспокоиться. Если бы мужчины отправлялись по домам каждый раз, как от них начинает попахивать спиртным, все великосветские балы заканчивались бы часам к десяти.

Что ж, в этом-то мисс Фрост была права, однако же…

– Почему вы вдруг решили мне помочь? – проворчал Хьюго.

– Наверное, потому, что вы такой красивый и восхитительный… Не могу расстаться с вами ни на минуту. – Хьюго в изумлении уставился на свою спутницу, а дерзкая девица продолжила: – Нет, причина, конечно, не в этом. Скорее всего мне просто жаль, что ваш сюртук безнадежно испорчен. И еще я вижу, что вам действительно нужна помощь, раз уж вы решились снова атаковать того упрямца, который отказал вам уже три раза.

– Первый ваш довод звучал гораздо убедительнее, – со вздохом заметил Хьюго. – И отказали мне всего два раза, а не три. Причем оба отказа была от Лэтема из Королевского медицинского колледжа. А к Бэнксу я обращаюсь впервые.

– Вот как? Что ж, в таком случае… Если рядом буду я, успех вам обеспечен, – заявила Джорджетта.

Хьюго хотел снова скрестить руки на груди, но вовремя удержался и, покосившись на Сомерсет-Хаус, спросил:

– А что у вас за план? Что вы придумали?

– Не беспокойтесь, вы выйдете из этого здания чистеньким и свежим как майская роза. – Джорджетта вдруг поморщилась – от сюртука лорда Хьюго, облитого каким-то дешевым пойлом, нестерпимо воняло. – Насчет розы – это я выражаюсь фигурально, – добавила она с улыбкой.

И эта ее улыбка положила Хьюго на обе лопатки. Он не мог припомнить, когда в последний раз ему предлагали по-

мощь. По-настоящему ему помогал лишь его брат Мэтью, умерший четырнадцать лет назад…

– Ладно, хорошо, – кивнул Хьюго. – Я верю, что вы говорите искренне. Вы можете пойти со мной на встречу, но лишь потому, что сами напросились.

Он не жалел о том, что согласился. Возможно, она действительно знала, как ему помочь. А сказанные в шутку слова «вы такой красивый и восхитительный» почему-то до сих пор звенели у него в ушах. Но почему?.. Впрочем, какая разница? Вовсе не эти слова повлияли на его решение.

Достав из-под сиденья кареты чертежи больницы, свернутые в трубку и упакованные в длинный кожаный футляр, лорд Хьюго наконец-то открыл дверцу. Кучер, уже спустившийся с козел, терпеливо дожидался, когда же выйдут пассажиры. Лесенку он спустил мгновенно. Хьюго ступил на тротуар и протянул руку своей спутнице.

– Я не светская дама, – пробурчала Джорджетта и, не замечая протянутой руки, спрыгнула со ступеньки. – Я Колючка, грязный мальчишка, которого вы извлекли из сточной канавы, – не забыли?

– Из канавы, говорите? Уж не на Стрэнде ли? – Хьюго оглядел широкую и чистую улицу, по которой шагали хорошо одетые люди. – Ладно, Колючка, договорились, – произнес он с усмешкой. – Будем придерживаться этой версии.

Кучер закрыл за ними дверцу, и Джорджетта – для женщины она была довольно высокого роста – зашагала рядом

со своим спутником. У главного входа они на мгновение остановились, затем, молча переглянувшись, вошли в Сомерсет-Хаус. Лорд Хьюго не являлся членом Королевского общества, но в этом здании бывал уже не раз. Кроме помещений, отведенных ученым, здесь располагались разного рода конторы, а также Королевская академия искусств, которой Хьюго был обязан скучнейшими днями своего детства: мать брала его с собой, когда приходила сюда смотреть картины.

К счастью, воздух в огромном вестибюле оказался чистым, свежим и даже немного прохладным. Вестибюль Сомерсет-Хауса с расписными потолками на высоте двухэтажного дома и длинными рядами окон выше человеческого роста производил весьма сильное впечатление, и Джорджетта, по-прежнему шагавшая рядом со своим спутником, то и дело озиралась. Хьюго поднялся с нею по спиральной лестнице, которая привела их на этаж, где и располагалась приемная сэра Джозефа Бэнкса. Но добраться до него было непросто, поскольку приходилось пробираться через какие-то маленькие комнатки и коридорчики, которые могли запутать кого угодно. По пути Хьюго постоянно раскланивался, приветствуя знакомых, взиравших на него с удивлением.

– Это они на вас уставились, Колючка, – сказал он вполголоса. – Помашите рукой этим добрым людям!

Но девушка его, казалось, не слышала.

– Как здесь величественно… – пробормотала она. – И красиво… А какие высокие потолки… И сколько здесь возду-

ха…

Но Хьюго не разделял восторгов своей спутницы: для него Сомерсет-Хаус был скорее твердым орешком, который предстояло расколоть, однако девушке, целые дни проводившей в книжном магазине, где почти не имелось свободного пространства, все здесь, конечно же, представлялось прямо-таки сказочным великолепием.

Наконец Хьюго остановился перед дверью кабинета Бэнкса и тихо произнес:

– Помните: вы обещали мне помогать. Ведите себя прилично.

– Я буду вести себя как всегда, только еще лучше, – ответила Джорджетта.

– Еще лучше? – насторожился Хьюго.

– Я хочу сказать – как надо в данной ситуации. – Его спутница сунула руки поглубже в карманы и ссутулилась – так держался бы неуверенный в себе подросток.

Хьюго внимательно осмотрел ее. Сможет ли эта девица одурачить Бэнкса или ее затея нелепая от начала до конца? Он вдруг заметил золотистый локон, выбившийся из узла под кепкой и повисший над ухом. Длинные, хорошо промытые волосы – несомненно, женские…

Подцепив большим пальцем предательскую прядь, Хьюго заправил ее обратно под кепку. И совершенно случайно коснулся щеки девушки. Поспешно отдернув руку, он пробормотал:

– Ох, простите… Знаете, у вас волосы выбились из-под кепки.

Джорджетта с озадаченным видом потрогала щеку.

– Да, спасибо, – кивнула она. – Все правильно.

– Итак, заходим, – сказал Хьюго, сунув кожаный футляр под мышку, и в следующее мгновение открыл дверь кабинета.

– О, лорд Старлинг, добро пожаловать! – воскликнул пожилой мужчина, сидевший за огромным письменным столом.

Одну из комнат, отведенных его организации, сэр Джозеф Бэнкс, просидевший на должности главы Королевского общества дольше, чем Хьюго успел прожить на свете, оборудовал так, что это помещение стало настоящим логовом ученого-затворника. Камин, огромный письменный стол, массивный стул, еще один стол, а также книги, множество книг… В центре же всего этого великолепия, в кресле на колесиках, сидел баронет Бэкс.

– Подагра, – проворчал он, указывая на кресло. – Ужасный приступ. Сегодня не смог сделать ни шагу. Простите, что не встаю, лорд Старлинг. Но кого это вы с собой привели?.. – Сэр Джозеф в изумлении уставился на Джорджетту, стоявшую рядом с гостем.

«Ввязался в драку – так дерись», – сказал себе Хьюго и, покосившись на девушку, проворчал:

– Этот негодник бросился к моей карете и напугал лоша-

дей. Мой кучер поймал его и не отпускал до тех пор, пока я не вышел из дому.

– И вовсе я не хотел их воровать, – сообщила Джорджетта хрипловатым мальчишеским голосом, и казалось, что именно это – кража лошадей – и было самой желанной целью уличного оборванца. Девушка засопела и пробурчала: – И вовсе я не хотел вытаскивать нож, чтобы перерезать упряжь…

Изобразив возмущение, лорд Хьюго продолжил:

– Этот щенок, имени которого я не знаю…

– Колючка! – перебила девушка. – Меня зовут Колючка!

– Так вот, – произнес Хьюго, – этот мальчишка – он из тех жителей Лондона, которым приходится испытывать на себе бездушное отношение со стороны дурно обученных и ко всему безразличных врачевателей в общественных больницах нашего города.

– Ну уж нет, дудки! – подала голос Джоржетта. – Я бы ни за что не пошел в больницу. Лучше уж сразу околеть на улице.

Она высказала весьма распространенное мнение. Общественные больницы Лондона были переполнены страждущими при острой нехватке медиков и лекарств. В этих лечебных учреждениях люди зачастую умирали, так и не получив помощь.

– Как я уже упоминал в переписке, организуя нашу встречу, – проговорил Хьюго, – мне нужен попечитель для больницы нового типа – такой, где пациенты перестанут умирать.

Бэнкс хрипло рассмеялся.

– Разве подобное в вашей власти?

– Да, разумеется, потому что у меня есть опыт и знания, – ответил Хьюго, рассудив, что ложная скромность сейчас ни к чему.

Тут Джорджетта издала звук, который, по его мнению, никак не мог исходить из горла респектабельной дамы.

Мысленно улыбнувшись, Хьюго открыл кожаный футляр и, достав свои драгоценные чертежи, развернул перед баронетом. Бэнкс разгладил листы ладонью и спросил:

– Но почему вы обратились именно ко мне, милорд? Почему не в Королевский медицинский колледж?

– Им не хватает дальновидности, чтобы оценить такой проект, – дипломатично ответил Хьюго.

– Что, даже не стали слушать? – Было ясно, что Бэнксу очень понравились слова гостя: все знали о негласном состязании между ним и Королевским медицинским колледжем.

– Они облили его джином, вот так-то! – снова подала голос Джорджетта. – Облили, когда он приходил туда раньше. Я сам видел!

– Право же, как там тебя… – с притворным смущением принялся увещевать девушку Хьюго. – Видишь ли, об этом сейчас не нужно говорить. Ведь мы с сэром Джозефом обсуждаем важное дело…

Но баронет, казалось, был очень доволен.

– А все потому, что в Королевский колледж допускает-

ся всякий сброд. Чего, например, стоят аптекари: вот уж кого точно не назовешь учеными. – Теперь Бэнкс внимательно разглядывал архитектурный набросок, лежавший на его огромном столе.

Хьюго придерживался более лестного мнения об аптекарях из Королевского колледжа, однако сообщать об этом не стал.

– Я хочу, чтобы новой больницей руководили как ученые, так и врачи-практики, – продолжал он. – Как видите, я предусмотрел отдельные палаты для больных с разными инфекционными болезнями, а также комнаты для лечебных процедур и хирургов, и помещения для выздоравливающих. Мы будем окружать пациента заботой, пока он полностью не выздоровеет.

– А как бы вылечить мою подагру?.. – в задумчивости пробормотал Бэнкс.

– Пейте лимонный сок, – посоветовал оборванец, стоявший возле Хьюго. – Пейте столько, сколько влезет. Или лимоны – это для вас слишком дорого? Не заработали денежек, а?..

– Спасибо за совет. Полагаю, сэр Джозеф может купить столько лимонов, сколько пожелает, – отозвался Хьюго, смерил девушку взглядом и продолжил: – Кстати… сэр Джозеф, это не такое уж глупое предложение. Попробуйте, если хотите.

– Говорите, подагра? Знаете, моя ма очень ею мучилась, и

я воровал для нее лимоны с тех пор, как научился ходить, – поведала Джорджетта с пугающей доверительностью. – Или не надо было про это болтать? Ладно, хорошо… лимоны воровал мой братец.

Хьюго деликатно откашлялся и проговорил:

– Сейчас речь не о лимонах. Так вот, сэр Джозеф, эти чертежи были выполнены весьма квалифицированными архитекторами и инженерами с учетом всех моих требований. А затем я внес кое-какие поправки и изменения для достижения максимальной эффективности.

– С помощью полного кошеля десятифунтовых слов, – вставила Джорджетта.

Хьюго смерил ее таким взглядом, от которого любая молодая женщина хлопнулась бы в обморок, но Джорджетта в ответ лишь захлопала ресницами – сама невинность!

– Гм… – Бэнкс же, не замечая их «общения», принялся тщательно изучать лежавшие перед ним бумаги. – Да-да… – пробормотал баронет себе под нос. Взяв лупу, он стал рассматривать все мельчайшие детали плана, время от времени брал из стопки очередной листок, затем откладывал его в сторону. Иногда возвращался к тому, что уже успел просмотреть.

А Хьюго, глядя на него, едва сдерживал желание топнуть ногой – ох как же долго!

Наконец почтенный джентльмен выпрямился в своем кресле и проговорил:

– У вас далекоидущие планы…

– Благодарю вас, сэр, – ответил Хьюго.

Баронет вздохнул и произнес:

– И слишком амбициозные. Видите ли, я по образованию естествоиспытатель, а не медик, но с уверенностью могу утверждать, что люди предпочитают лечиться дома.

– Но это приводит к потере времени, – заметил Хьюго. – Подумайте, сколько больных доктор мог бы вылечить, окажись все его пациенты под рукой.

– Люди не отрезы ткани, которые ткутся на одном станке и выпускаются в продажу неотличимыми друг от друга.

– А я и не говорю, что всех будут лечить одинаково. Просто станут лечить гораздо лучше.

Пожилой джентльмен снова вздохнул.

– Многие считают, что самое лучшее лечение – это то, что недоступно для людей из низов. Медицина, лорд Хьюго, – это область особенная, и далеко не всем доступна наилучшая медицинская помощь.

– Ох, правда! – снова вмешалась Джорджетта. – Но знаете, ничего в том нет хорошего, если люди не могут себе позволить…

– Да-да, конечно, – закивал Бэнкс. – Но ведь лорд Хьюго говорит, что желает учредить частную больницу!

– Вы не совсем правильно меня поняли, – проговорил Хьюго. – Я называю ее «частной», потому что она будет финансироваться…

– Что хорошего в больнице, – перебила Джоржетта, – если она не годится для таких, как я.

Бэнкс откинулся на спинку кресла, сложил перед собой руки – точно судья, готовый огласить приговор, и произнес:

– Я все понимаю, но не забывайте, лорд Хьюго, что в последнее время у нас развелось частных больниц даже больше, чем нужно. Не только для тех, кто страдает телесными заболеваниями, но также и для умалишенных. А для таких больных, которые не могут позволить себе лечение в частной больнице, существуют работные дома и тюрьмы.

– Да уж, райские местечки: есть из чего выбрать, – пробурчала Джорджетта, и баронет в раздражении поморщился.

– Но еще ни один человек не вернул себе здоровье в работном доме, тем более – в тюрьме, – возразил Хьюго. – Больница же, которую я хочу открыть, обеспечит лучшее лечение, чем любая другая. Удобство и покой – как дома, но при этом больные будут находиться под постоянным присмотром опытных медиков.

Бэнкс явно собирался спорить, однако не успел заговорить – Джорджетта проворно уселась на краешек его стола и заявила:

– А ведь сюда поместился бы мой дом целиком! Хотя у меня и не дом вовсе, а всего лишь комнатка. И была бы уютная комнатка, если бы нашелся кусок жести, чтобы положить поверх дыры и прикрыть нашу берлогу…

– Слезай с моего стола! Сейчас же слезай! – Бэнкс отпря-

нул, вжавшись спиной в кресло. – А ты что, живешь в берлоге?..

– Нет, конечно! – оскорбилась Джорджетта. – Просто в крыше дыра, вот и все. – Она соскочила со стола и принялась расхаживать по кабинету, трогая все, что попадалось на ее пути. – Ох, сколько книг! Ими можно отлично разжечь ваш камин. Вы ведь иногда бросаете туда книжку-другую, чтобы полюбоваться, как они горят?

– Лорд Хьюго, у этого парня наверняка вши! – в отчаянии завопил пожилой баронет.

– У кого, у меня? – откликнулась Джорджетта, схватив с полки переплетенный в кожу том, тут же поставила его обратно и закричала: – Наверное, это у вас под париком полно вшей!

– У меня вовсе не парик! – воскликнул Бэнкс.

Девушка весело рассмеялась:

– А выглядит точь-в-точь как парик!

Баронет побагровел и, задыхаясь, пролепетал:

– Это… это… нет, я бы…

Джорджетта снова рассмеялась, а вот лорду Хьюго было не до смеха. Строго глядя на девушку, он рявкнул:

– Невоспитанный мальчишка, извинись перед баронетом – и вон из кабинета! Немедленно!

Потрясающая находчивость! И потрясающий спектакль! Мисс Фрост отвлекла сэра Джозефа, прежде чем он успел отказать, а потом разыграла отвратительную сцену. В резуль-

тате же они оба объединились в праведном гневе.

Джорджетта, выполняя приказ, как бы нехотя покинула кабинет, а лорд Хьюго, повернувшись к столу, со вздохом проговорил:

– Прошу прощения, сэр… Какой отвратительный юнец… Некоторые люди понятия не имеют, как вести себя в приличном обществе.

Баронет закивал и проворчал что-то в знак согласия.

– Однако, – продолжал Хьюго, – все должны получать лечение, если заболеют: и сын герцога, и баронет с подагрой, и даже…

– Да-да, я понимаю вашу точку зрения. – Хозяин кабинета снова закивал. – Но я не могу вложить деньги Королевского общества в рискованное предприятие, так что… Вот если бы ваш план поддержал какой-нибудь влиятельный джентльмен – ваш отец, например, – тогда в глазах общества это стало бы гарантией, необходимой для того, чтобы привлечь финансовое обеспечение.

«Будь у меня поддержка отца, не пришлось бы клянчить деньги», – подумал Хьюго.

– Что ж, спасибо, что уделили мне время. – Он начал собирать свои чертежи и сворачивать в трубку. – К сожалению, мы с герцогом Уиллингем почти не общаемся, так что заручиться его поддержкой я никак не смогу.

Баронет положил свою широкую ладонь с узловатыми пальцами поверх стопки бумаг, еще остававшейся на столе,

и тихо произнес:

– Это хороший план, лорд Хьюго, но в данный момент не имеет практического значения.

А что в его, Хьюго, жизни имело практическое значение? Было бы очень практично запереть себя в Лондоне, никогда не приезжать в Эдинбург и не изучать медицину. Но он не хотел быть практичным, не желал…

Коротко кивнув, Хьюго сказал:

– Я вас понял, сэр Джозеф.

– Но если вы получите деньги от герцога…

– Да, разумеется. Я понимаю, что вы хотите сказать. И если такое произойдет… – Если погаснет солнце и обратятся в прах горы… – Будьте уверены, я дам вам знать. – Собрав наконец все свои бумаги, Хьюго засунул их в футляр и, поклонившись баронету, покинул кабинет.

Джорджетта стояла у двери, подпирая стену и шаркая по полу подошвой обтрепанного ботинка. При появлении Хьюго она тотчас подняла голову и прошептала:

– Что-то очень уж вы сердитый…

– Я не сержусь.

– Но ужасно расстроились.

– Да, возможно. – И Хьюго поведал своей спутнице о том, что произошло после ее ухода. – Вы были правы, Колючка, и действительно мне помогли. Если бы не ваша безобразная выходка, наш с ним разговор закончился бы гораздо раньше. А теперь остается небольшой шанс на успех.

Призрачный шанс, конечно же… Впрочем, то же самое происходило со всеми его планами: все они были слишком эфемерными и хрупкими, так что в результате у него оставались одни лишь надежды…

Тут Джорджетта вдруг улыбнулась и спросила:

– А чем займемся теперь, папаша?

Хьюго тоже улыбнулся и пробормотал:

– Сейчас… хм… дайте-ка подумать.

На обратном пути они опять долго блуждали по коридорам и переходам, а когда, наконец, покинули величественные пределы неоклассических интерьеров, в голове Хьюго вновь возобладали логика и здравый смысл, и он принял единственно верное решение.

– Нам придется пренебречь визитом в Королевский медицинский колледж. Сейчас мы должны отправиться кое-куда еще и выдержать переговоры, которые покажутся прогулкой по лезвию ножа по сравнению с тем, что было в кабинете у Бэнкса.

Хьюго вздохнул. Иногда логика и здравый смысл внушали ему отвращение.

Джорджетте очень понравилось, что он сказал «мы», и она проворно запрыгнула в поджидавшую их карету.

– Приказывайте! – воскликнула девушка. – Колючка готов выдержать любые испытания!

– Да, нас ждет серьезное испытание… – Вслед за Джорджеттой Хьюго забрался в карету. Его глаза уже слезились

от копоти, и на миг ему показалось, будто солнце действительно погасло. – Сейчас мы нанесем визит самому герцогу Уиллингему!

Глава 3

Тотчас же было решено, что развязный юнец Колючка должен снова стать благовоспитанной мисс Фрост, поэтому кучер принес ее дорожный сундук, из которого она достала свое любимое платье, а также некоторые другие принадлежности дамского туалета. Но где же на Стрэнде найти дамскую комнату?

В растерянности осмотревшись, Джорджетта пробормотала:

– Где бы мне переодеться?..

Хьюго взялся за ручку сундука, помог кучеру водрузить его на место и ответил:

– В карете, где же еще? Мы можем задержаться минут на пять.

– Пять минут? – переспросила девушка.

– Что, слишком долго? Ну, если управитесь быстрее, то тем лучше. Тогда мы быстрее доберемся до Уиллингем-Хауса.

– Похоже, вы никогда не пытались надеть женскую одежду без помощи горничной, – проворчала Джорджетта, бросив сверток в карету.

– Вот в этом вы правы. – Хьюго придержал для девушки дверцу.

Забравшись в экипаж, она сказала:

– Ладно, так и быть, я постараюсь переодеться как можно быстрее. – Переодеться в карете! Прямо перед Сомерсет-Хаусом! И это при том, что занавеска на окне почти прозрачная. С таким же успехом она могла бы переодеваться прямо на улице. – Вы не могли бы встать перед окном кареты? – сказала она своему спутнику.

– За что такая честь, Колючка? – изумился Хьюго.

Густо покраснев, Джорджетта пробормотала:

– Это не то, что вы подумали… Не надо заглядывать в карету. Я хочу… чтобы вы загородили окошко, вот и все.

Лорд Хьюго с любезной улыбкой ответил:

– Мисс Фрост, я буду настоящим джентльменом, и вы не должны во мне сомневаться. – С этими словами он захлопнул дверцу кареты.

Усевшись на полу, Джорджетта пыталась побыстрее освободиться от брюк и куртки. Сквозь тонкую занавеску она видела плечи и затылок лорда Хьюго. Да, именно затылок, так что он действительно отвернулся. Что ж, отлично! Она и раньше не сомневалась в том, что он джентльмен, но какой прок от джентльменов? Рапунцель никогда не сбежала бы из башни, будь ее принц джентльменом, который почтительно сидел бы неподалеку, слушая ее песни, а потом, наслушавшись, встал бы и ушел, даже не попрощавшись, – ведь он не был официально представлен даме!

Джорджетта побаивалась читать ученые труды, которые так нравились ее родителям, зато упивалась сказками, в ко-

торых поверни за угол – и увидишь замок, а уличный торговец вполне мог оказаться самым настоящим принцем. В сказках животные умели говорить, а совершенно одинокая бедная девушка непременно обретала богатство и счастье с возлюбленным, которого обязательно где-нибудь встречала.

Разумеется, она прекрасно понимала, что все эти чудесные истории всего лишь сказки, но лучше уж верить в невозможное, чем жить совсем без мечты.

Тут фигура за окном вдруг пошевелилась. Может быть, это Хьюго поднял руку, чтобы заслонить от копоти глаза? К тому времени Джорджетта успела натянуть чулки и надеть платье. И она была слегка разочарована, что он ни разу не попытался подсмотреть. Ох, наверное, это означало, что она для него почти то же самое, что оборванец Колючка… Или обуза, с которой его повязало чувство долга и от которой он надеялся поскорее избавиться.

Что ж, ничего удивительного. А кого могло бы обрадовать ее общество? Возможно, сейчас, когда она сбежала из книжного магазина – неужели это произошло только сегодня утром? – ей вообще не на кого больше рассчитывать.

Наверное, этого и следовало ожидать. Слишком самонадеянно для такой девушки, как она, надеяться на удачу. Да кто же ее заметит? Вот почему она должна добиваться всего самостоятельно – как героини ее любимых сказок. Она с детства усвоила истину: нельзя ждать милости от других, особенно – от родителей, которые прожили жизнь, уткнувшись

в книги и совершенно не замечая, что их дочь сидит голодная и не может назвать своей собственностью даже огарок свечи!

Джорджетта скатала мальчишескую одежду, забрала волосы в узел и постучала в дверцу кареты. Хьюго тотчас же ее открыл и, глядя на девушку с явным упреком, заявил:

– Вы возились гораздо больше обещанных пяти минут!

– Я испытывала огромное удовольствие, переодеваясь в тесноте, вот мне и захотелось его продлить, – съязвила Джорджетта.

– Но теперь-то вы закончили?

– Да, хотя и трудновато справляться без помощи горничной.

Наряжаясь мальчишкой, Джорджетта туго перетянула грудь, и сейчас повязка оставалась на месте, внутри корсета, который застегивался на спине. Чтобы с ним справиться, помощь служанки была просто необходима. К тому же корсаж также застегивался на пуговицы сзади. Но не ехать же к герцогу в платье, которое в любой момент могло с нее свалиться…

– Помогите управиться с пуговицами, – пробормотала мисс Фрост, немного помолчав. – Самой мне до них не дотянуться… – добавила она, снова покраснев.

А лорд Хьюго, весело хмыкнув, объявил:

– Сейчас я буду исполнять роль дамской горничной! Сегодняшний день полон сюрпризов, не так ли?

– Будь вы и в самом деле дамской горничной, я бы попросила вас сделать что-нибудь с моими волосами. Я никогда еще не встречалась с герцогом, поэтому… – Она в отчаянии взмахнула рукой, и жест этот означал: «Я бы хотела выглядеть привлекательнее, но увы…»

Неизвестно, как лорд Хьюго истолковал ее жест, однако сказал:

– Все будет хорошо, не беспокойтесь. Дело в том, что вы сразу попадете к моей матушке, и если не понравитесь ей, то вовсе не из-за прически.

– Пытаетесь меня утешить? – пробурчала Джорджетта.

– Я бы так не сказал. А почему вы спрашиваете? Мои слова вас не успокоили?

– Не знаю… – Ох, если бы ей не требовалась помощь с этими проклятыми пуговицами, она бы, пожалуй, стукнула его кулаком по лбу. – Но зачем мы едем к вашим родителям? Я ведь уже говорила, что не хочу быть гостьей вашей матушки.

– Мы едем к ним не за этим. Видите ли, бесплодные поиски украденных сокровищ меня не очень-то привлекают. А вот если обратиться с просьбой к отцу… Такая просьба, возможно, принесет плоды. Но этим делом предстоит заняться мне, а вы… вы можете пить чай – или чем там еще занимаются дамы в свободное время. К сожалению, я об этом ничего не знаю.

– И я не знаю. В книжном магазине у меня не было сво-

бодного времени.

Джорджетта заставила себя улыбнуться, хотя в этот момент ей было не до веселья – она вдруг особенно остро почувствовала, какая пропасть пролегла между ней и лордом Хьюго. Разумеется, она не считала себя простолюдинкой: ведь ее родители были образованными людьми, а некогда, если верить тем же родителям, их семья даже владела землей, – но все же, как ни крути, – не дочь герцога… Интересно, что могло связывать узами дружбы таких разных людей, как лорд Хьюго и Бенедикт? Неужели лишь книги и научные исследования?

Тут ее спутник что-то пробормотал сквозь зубы и произнес:

– Вы правы. Простите. А теперь повернитесь, и я застегну ваше платье.

С этими словами Хьюго поднялся в карету, сел рядом с девушкой, повернулся к ней и, осторожно взяв за плечи, развернул к себе спиной.

– Пуговицы, – сказал он, – это очень непрактично.

– А никто и не утверждает, что женская мода должна быть практичной, – отозвалась Джорджетта и села боком, чтобы Хьюго было удобнее. – Между прочим, не думайте, будто я не заметила, как вы сказали, что не хотите искать сокровища. Но я на это не давала согласия.

– Да, знаю. Я и не ждал, что вы согласитесь. Не беспокойтесь. Получу я деньги или нет, все равно благополучно до-

ставлю вас к брату. Можете искать украденные деньги вместе с ним, если желаете.

Джорджетта хотела возмутиться и уже приготовила восхитительную тираду, возмущаться почему-то расхотелось, а к горлу подкатил комок. Она чувствовала быстрые движения пальцев Хьюго, сражавшегося с пуговицами – крошечными костяными кружочками, которые протянулись от затылка до талии. С каждой застегнутой пуговкой корсаж затягивался все туже, и ей отчего-то становилось трудно дышать. А ведь подобных ощущений это платье никогда у нее не вызывало…

– Все, готово, – сообщил Хьюго.

Джорджетта тотчас же закинула руки за голову и дотронулась до пуговицы на затылке. Ее пальцы на мгновение соприкоснулись с пальцами Хьюго, и она едва не вскрикнула от изумления.

Что ж, возможно, ее действительно что-то поразило, но что именно? Она не знала ответа на этот вопрос и, стараясь скрыть смущение, пробормотала:

– О, как драматично… С вами, папаша, все в порядке?

Лорд Хьюго, уже пересевший на другое сиденье, тотчас кивнул.

– Да, все отлично.

Однако его синие глаза разглядывали ее с таким странным и даже недоуменным выражением, как будто она вдруг оказалась еще одной комнатой в его больничных чертежах – комнатой, которую он не проектировал и которой не мог

найти применения.

Но Джорджетта мгновенно забыла об этом странном взгляде, как только карета остановилась перед особняком Уиллингемов. Если честно, она ужасно волновалась и даже не очень-то хорошо помнила, как ее зовут.

В любой приличной сказке герцог и герцогиня, имеющие зуб на одного из сыновей, обитают в уединенном замке, над которым вечно бушует гроза и сверкают молнии. Впрочем, лондонский особняк герцога оказался весьма внушительным – ничуть не хуже замка. Когда же дворецкий открыл дверь, чтобы впустить их с Хьюго, Джорджетта окончательно убедилась, что дом этот нисколько не уступал по великолепию Сомерсет-Хаусу, в котором она совсем недавно побывала.

– Как красиво, – шепнула она своему спутнику, когда дворецкий ввел их в вестибюль. – А я-то была уверена, что здесь будет темно и мрачно. Мне представлялась башня с осыпающимися стенами, как в готическом романе, и портретами длинноносых предков на стенах.

Хьюго усмехнулся и пробормотал:

– Портреты у них на втором этаже.

С этими словами он распахнул дверь, ведущую в гостиную, которая выглядела так, как и ожидала Джорджетта, начитавшаяся светских хроник в газетах. Конечно же, высокий потолок, огромные окна и изящная белоснежная лепнина. Простор и сияющая чистота, ни стопок пожелтевших книг, ни пятнышка пыли, разумеется, никакого грязного белья, ко-

торое предстояло отнести к прачке.

Зато здесь находилась стайка богато разряженных дам, восседавших на обитых бархатом стульях. И дамы эти тотчас же, как по команде, уставились на вошедших, а их чайные чашки застыли в воздухе на полпути ко ртам – воплощение жеманного изумления!

А затем одна из элегантных дам воскликнула:

– Лорд Хьюго! Какой приятный сюрприз!

– Мое почтение, мама. – Хьюго поклонился, и герцогиня ответила тем же (это была высокая и худощавая, изысканно одетая седовласая женщина с горделивой осанкой и выражением непоколебимого спокойствия на лице).

– Ты нас совсем не навещаешь, Хьюго! – Герцогиня всплеснула руками в грациозном волнении, отчего взметнулись концы ее шали и качнулись седые локоны, в живописном беспорядке уложенные над ушами. – Ты приехал, чтобы извиниться перед отцом? – Ее светлость поставила чашку на стол, и тонкий фарфор мелодично зазвенел, когда чашка соприкоснулась с блюдцем. – Однако же… Твой сюртук в столь ужасном состоянии, – добавила герцогиня со вздохом.

– Ваша светлость, это не его вина! – воскликнула Джорджетта, не забыв сделать реверанс. – Какой-то ужасный уличный мальчишка облил лорда Хьюго дешевым джином, когда он пытался ему помочь. Видите ли, с тем парнем явно стряслась какая-то беда…

Хьюго покосился на свою спутницу и проговорил:

– Очень хорошо, что вы об этом сообщили, мисс Фрост. Лично я рассматриваю это происшествие таким же образом.

Герцогиня внимательно рассмотрела их обоих, затем поинтересовалась:

– Кто твоя спутница, Хьюго? Сейчас неприемный час, и я не ожидала посетителей.

Однако присутствие в гостиной пяти других дам отрицать было невозможно, и, следовательно, герцогиня имела в виду, что не ожидала таких, как эта особа. Что ж, ничего удивительного… Любимое платье Джорджетты, бледно-желтое, казалось дешевым и безобразным на фоне богатого убранства гостиной, не говоря уж о нарядах сидевших здесь дам.

Но Хьюго, казалось, нисколько не смутился. Он учтиво представил Джорджетту собравшимся в гостиной благородным дамам, и перед каждой из них девушка сумела изобразить вполне сносный реверанс.

– Какое удовольствие познакомиться с вами, ваша светлость, – сказала она герцогине. – Ваш сын помогает мне отыскать моего брата.

– Вот как, мисс Фрост? – молвила герцогиня, когда слуга принес еще один чайный поднос, на изготовление которого ушло столько серебра, что в трудные годы он, наверное, стал бы спасением для Королевского монетного двора. – Мне всегда было любопытно, с кем лорд Хьюго водил знакомство во время обучения в медицинском колледже. Похоже, ваш брат умеет заводить друзей.

– Знакомство на почве занятий медициной? Я заинтригована… – проговорила дама с чудесными золотистыми локонами и чарующей улыбкой. Взяв с подноса крошечное пирожное, она продолжила: – Мисс Фрост, я никогда не встречалась с женщиной-медиком. Наверное, ваше платье… это нечто вроде специального академического наряда?

– А… приветствую, Тэсс! – воскликнул Хьюго. – Слышал, что вы с Лофтусом снова ожидаете прибавления. Мои поздравления…

Улыбка белокурой дамы погасла.

– Видите ли, Хьюго, мы с маркизом считаем, что этот вопрос обсуждать еще рано.

– Это моя невестка, – пояснил Хьюго, взглянув на свою спутницу. – Но вы об этом, несомненно, догадались, раз уж мы обращаемся друг к другу по имени.

– И раз уж он говорит совершенно неприличные вещи, – вставила маркиза.

– Рада познакомиться, миледи, – сказала Джорджетта. – Сама я не имею медицинского образования. – Она окинула взглядом свое платье. – Просто у меня нет модной портнихи…

– Ничего-ничего, – поспешно проговорила маркиза. – В Лондоне встречаешь столько разных людей…

– Но каким образом, – вмешалась герцогиня, – вы познакомились с моим сыном, мисс Фрост? Я-то думала, что во время его занятий медициной.

– Мы познакомились, когда он пришел в книжный магазин, принадлежащий моей семье. Магазин семьи Фрост, знаете?

– Ни разу там не была, – ответила герцогиня. – Но название кажется мне знакомым.

– Это совсем небольшой магазин и одновременно… нечто вроде розыскного агентства. Мои родители всегда знали, где отыскать любую нужную клиентам книгу или рукопись. – А если подобных услуг никто не заказывал, они удовлетворяли собственное любопытство, прочитывая том за томом. – Сейчас этим же занимаются мои кузены, – добавила девушка.

– Хьюго, а что именно они разыскивали для тебя? – Казалось, герцогиню заинтересовал рассказ гостьи.

– Я не помню… – пробормотал Хьюго, явно смутившись.

Джорджетта же по-прежнему чувствовала себя нищей, и это отнюдь не улучшало ее настроения, однако непоколебимая вежливость герцогини и ее подруг внушала надежду. Да, конечно, она здесь чужая, но было ясно, что они не станут перемывать ей косточки, пока она не скроется за дверью. А если так, то почему бы не поразвлечься?

Взглянув на своего спутника, Джорджетта проговорила:

– Неужели вы не помните, лорд Хьюго? Знаете, а ведь тот день, когда вы впервые вошли в наш магазин, был счастливейшим в моей жизни. Ох, ваша светлость!.. – Девушка с восторженной улыбкой смотрела на герцогиню. – Когда лорд Старлинг открыл дверь, колокольчик воззвал, словно труба

ангела! Когда же он спросил, где можно отыскать трактат «О строении человеческого тела», мне показалось, что сердце вот-вот выскочит из моей груди – как на гравюре, где изображена вскрытая грудная клетка.

Ковыряя носком сапога вытканную на ковре красную розу, лорд Хьюго пробормотал:

– Мисс Фрост, о чем вы? Какая нелепость…

Герцогиня нахмурилась.

– Так это неправда, мисс Фрост? Ах если бы все были столь же лестного мнения о моем младшеньком…

О боже! Джорджетта немного смутилась: выходит, сыграла на святых материнских чувствах, которые ей самой были совершенно неведомы, – и, тщательно подбирая слова, ответила:

– Конечно, я преувеличиваю, ваша светлость, однако не лгу. Ваш сын действительно был ко мне исключительно добр. И действительно просил трактат Везалия, каковой мой кузен и приобрел для него месяц спустя.

Хьюго хмыкнул и проворчал:

– Довольно об этом. И при чем здесь моя доброта? Я всегда руководствовался исключительно здравым смыслом. Мама, ты ставишь девушку в неловкое положение.

– Кажется, я сама поставила себя в неловкое положение, – с улыбкой заметила Джорджетта. – Так что ее светлости незачем переживать на сей счет.

Герцогиня взглянула на сына с некоторым беспокойством.

– Хьюго, а может, вы оба выпьете с нами чаю? Знаешь, тут есть твои любимые имбирные пирожные.

– Очень мило с твоей стороны, мама, однако время не терпит, а дело срочное. Мисс Фрост – слишком энергичная и предприимчивая, так что подержи ее в кандалах, пока я буду писать ее брату. Затем мне нужно переговорить с герцогом, а уж потом мы уедем.

Герцогиня вскинула изящную бровь – такое же выражение Джорджетта не раз видела на лице ее сына.

– Так ты хочешь переговорить с герцогом? Твои слова взывают, точно трубы ангелов. – Джорджетта едва не расхохоталась, а ее светлость продолжила: – И знаешь, в этом сезоне не принято заковывать гостей в кандалы. Но если ты не возражаешь… Может, позволишь проводить ее в комнату для гостей, где она сможет привести себя в порядок? Бентон сейчас ей все покажет.

– В комнату для гостей? – переспросила Джорджетта и, выразительно взглянув на своего спутника, мысленно воскликнула: «Я же вам говорила, что хочу отправиться в Дербишир!» – Нет-нет, я уверена, что в этом нет необходимости. Но скажите, лорд Старлинг, что именно вы собираетесь написать моему брату?

– Правду, помоги вам Бог, – ответил Хьюго. – А теперь идите за дворецким.

Безмолвный человек у входа – очевидно, Бентон – учтиво поклонился.

Они были уже в дверях, когда герцогиня сказала им вслед:

– Возвращайся побыстрее к нам, Хьюго, если хочешь отведать имбирного пирожного. Или позвони – пирожные принесут наверх. Разумеется, тебе необязательно спускаться в гостиную, – добавила ее светлость после паузы.

Мисс Фрост оглянулась – ее заинтриговала заминка в речи герцогини, а почтенная дама словно замерла с каким-то странным выражением в глазах. Тем временем светский разговор уже вовсю порхал по комнате.

«Но что же за чувства сейчас в глазах герцогини?» – спросила себя Джорджетта. В следующее мгновение дворецкий захлопнул дверь гостиной, украшенную резными расписными панелями, и повел ее по винтовой лестнице с широкими мраморными ступенями и коваными кружевными перилами. Хьюго же, помахав ей рукой, направился в другую сторону. Некоторое время девушка колебалась, не зная, что выбрать: знакомое или неизвестное, – но ей все же пришлось подняться. Тем более что лестница была очень красивая – из тех, что предлагает тебе свои услуги лишь в том случае, если «умеешь заводить друзей», как выразилась герцогиня.

В задумчивости шагая за дворецким, Джорджетта вдруг с удивлением поняла, что за чувство мелькнуло в глазах герцогини. Это было то же самое чувство, что тисками сжимало ее собственное сердце, причем с каждым шагом все сильнее, и чувство это было вызвано осознанием своего одиночества.

Герцога в кабинете не оказалось, в библиотеке – также. Более того, он не обнаружился ни в музыкальной комнате, ни в желтом салоне, ни в розовой комнате – то есть его не было ни в одном из тех мест, куда он обычно направлялся ближе к вечеру.

Задержавшись в розовой комнате, Хьюго стащил с себя злосчастный сюртук и повесил его на спинку стула возле письменного стола. Затем нацарапал записку, которая, как он надеялся, должна была успокоить Бенедикта: «Сестра нашлась, она с герцогиней…» – и так далее… Запечатав послание и отдав конверт слуге, который должен был отнести его на почту, Хьюго возобновил поиски.

В конце концов он все-таки нашел отца в бальном зале на втором этаже особняка. Занавеси на окнах были подняты, и все пространство залито светом послеполуденного солнца. Ярко блестел натертый воском и лимонным маслом пол, и цитрусовый аромат смешивался с запахом плесени – так иногда бывает в комнатах, которыми давно не пользовались. Да и сейчас зал был совершенно пуст, если не считать безголовую, безрукую фигуру, насаженную на шест, и самого герцога Уиллингема, то и дело коловшего манекен рапирой.

Увидев сына, герцог выпустил рапиру из руки, и она, с грохотом упав на пол, откатилась туда, где уже валялась другая, точно такая же. Отец же замер на мгновение, затем провел ладонью по своим взлохмаченным волосам – теперь уже скорее седым, чем черным, – и поспешил навстречу Хьюго.

Герцог всегда был мужчиной плотного сложения, но теперь его живот напоминал бочонок; годы сделали отца толстым и медлительным, медлительным в движениях, но, как и прежде, в суждениях оставался скорым.

Тяжело дыша, герцог окинул сына ледяным взглядом и проворчал:

– Явился без сюртука? Хочешь показать, до какой степени ты меня не уважаешь?

– Поверь, отец, было бы гораздо хуже, если бы я его не снял, – сообщил Хьюго. – Потом я найду другой ему на смену, так что успокойся, пожалуйста.

Герцог что-то проворчал себе под нос, затем отступил на несколько шагов, остановившись там, где лежали рапиры.

– Я думал, Хьюго, мы с тобой больше не разговариваем. Ты же так мне и сказал… Кажется, это было… года полтора назад.

Хьюго мысленно улыбнулся. Похоже, он одержал маленькую победу – ведь отец первый заговорил с ним, пусть даже сказал об отсутствии этого треклятого сюртука. Указав на манекен, Хьюго проговорил:

– А мне казалось, что нужно брать в противники живого человека, если хочешь сохранить форму.

– Иногда появляется нестерпимое желание проткнуть кого-нибудь насквозь, – проворчал его светлость.

– В таком случае позволишь мне рапиру на несколько минут?..

Герцог утвердительно кивнул, и Хьюго тотчас же поднял с пола оружие. Эфес рапиры легко ложился в его ладонь, но форма оказалась непривычной. Впрочем, Хьюго никогда не увлекался кулачными боями и фехтованием, по которым многие английские аристократы сходили с ума, и предпочитал физические упражнения на свежем воздухе. Кроме того, он любил забираться на деревья, чтобы наблюдать жизнь животных, а также бродить по холмам, собирая геологические образцы. А если возникала нужда обороняться, то на этот случай в его распоряжении имелась пара дюжих кулаков.

И все-таки мало что могло сравниться с ощущением рапиры в руке. А чего стоил этот чудесный свист, когда металл молниеносно разрезал воздух!.. Взмахнув рапирой, Хьюго вонзил ее острие в изделие из ватина и ткани. «Ф-ф-ссс!..»

– Да, ты прав. – Хьюго выдернул рапиру из манекена. – Иногда стоит проткнуть хотя бы такого противника.

– Особого удовлетворения не приносит, зато все в рамках закона, – заметил его светлость.

Хьюго перебросил рапиру из правой руки в левую.

– Но откуда именно сегодня это желание непременно с кем-нибудь расправиться?

Герцог поднял с пола вторую рапиру и проворчал:

– Года полтора назад один из моих сыновей заявил, что больше не желает со мной разговаривать.

– Хорошая отговорка, ваша светлость, но все-таки я вам не верю. Какова же истинная причина?..

Герцог пожал плечами и занял фехтовальную позицию – колени чуть согнуты, левая рука картинно поднята.

– Как будто мало причин, – пробурчал он и тут же сделал выпад, направляя острие рапиры куда-то в пространство между манекеном и Хьюго. – В парламенте творится черт знает что, слуги пренебрегают своими обязанностями и обирают твою мать до нитки, а твой старший брат потребовал денег на ремонт своего городского особняка, поскольку его супруга ожидает очередного ребенка. То есть всевозможных причин великое множество…

– Я так и понял, – кивнул Хьюго. – Хотя Тэсс, кажется, не желает распространяться на эту тему. – Помилуй боже, уже четверо детей! А ведь они с Лофтусом поженились всего шесть лет назад.

– А еще, – продолжил герцог, – в последнее время меня замучила подагра. Сегодня, впрочем, полегче, потому я и решил поупражняться и отвести душу.

– Попей лимонный сок, он поможет, – сказал Хьюго, невольно улыбнувшись: этот метод борьбы с подагрой знал даже невежественный парень по имени Колючка.

Герцог досадливо поморщился.

– Вижу, Хьюго, к чему ты клонишь. Явился, чтобы снова затеять глупейший разговор о своей больнице? Я не дам денег. Это противоречило бы здравому смыслу.

Отец явно был не в настроении, но Хьюго сдаваться не собирался.

– Я прошу не об этом, – сказал он.

Смерив взглядом манекен, герцог покосился на сына.

– Значит, ты не о больнице?..

«Бедный манекен, – подумал Хьюго. – Сейчас его снова проткнут».

– Ну, то есть… да, – пробормотал он и поспешно добавил: – Но я не прошу тебя выкладывать деньги из собственного кармана.

– Вот как?.. А чего же ты хочешь?

– Просто отправь в Королевское общество письмо с сообщением о том, что одобряешь мой план. Надеюсь, тогда они сами профинансируют мой проект.

– Об этом не может быть и речи. – Герцог, снова сделав выпад, проткнул «противника».

– И тебе даже писать не надо. Я и сам мог бы написать такое письмо, а тебе останется только подписать его и скрепить личной печатью.

Герцог нацелил рапиру на сына и коснулся острием его груди.

– Запомни, Хьюго, доброе имя человека гораздо важнее, чем его кошелек. Я бы с большей вероятностью просто дал тебе денег: анонимно, конечно же, – но связывать свое имя со столь безумным проектом не желаю.

Герцог снова направил на Хьюго острие рапиры, и тот машинально поднял свою, готовясь парировать выпад отца.

– В таком случае просто дай мне денег анонимно, – сказал

Хьюго.

– Я не желаю поддерживать глупую затею. И вообще этот разговор меня утомляет. – Внезапно лицо герцога налилось краской – то ли от физического утомления, то ли от раздражения. – Если бы ты наконец подумал о семье! – Рапира его светлости молниеносно описала дугу и едва не выбила оружие из руки Хьюго. По залу раскатился звон металла. – Подумай, какую ты даешь пищу для злословия, заботясь об отбросах общества!

Тяжело вздохнув, Хьюго бросил рапиру на пол. Это было отличное оружие, но ему не годилось.

– Почему? – произнес он лишь одно-единственное слово, но оно, это слово, весьма красноречиво обозначало ту глубокую пропасть, что пролегала между отцом и сыном.

Уиллингем до сих пор не мог принять тот факт, что Хьюго задавал, задает и всегда будет задавать этот корокий вопрос. И вообще его сын давно уже отказался безоговорочно принимать все то, что, по мнению других, было правильно.

– Подними свою рапиру. – Герцог дышал тяжело, точно разъяренный бык. – Давай выясним, кто из нас прав.

Хьюго рассмеялся.

– Но не таким способом. Я не дурак, чтобы сражаться на условиях противника и его же оружием.

Сильным ударом рапиры герцог вспорол грудь несчастного манекена, и металл зловеще сверкнул в косых лучах послеполуденного солнца.

– Тебе, Хьюго, следовало стать священником, однако я смирился с твоим желанием сделаться медиком, потому что решил, что и это занятие достойно уважения. Я даже стерпел, когда ты отправился учиться в Эдинбург – в такую глушь, где заканчивается цивилизация!

– Мне там нравилось, – заметил Хьюго. – К тому же было очень интересно слушать забавный шотландский акцент.

От дяди он унаследовал небольшой дом в Эдинбурге, и, таким образом, нашелся предлог отправиться туда на учебу, но, положа руку на сердце, ему просто хотелось сбежать из Лондона, где все напоминало о тяжкой утрате…

– Эдинбург!.. – презрительно выплюнул герцог. – Там ты и набрался этих глупых идей! Тебе мало было помогать равным по положению. Обязательно марать руки кровью и гноем на хирургическом столе. И только ради того, чтобы вылечить какого-нибудь немытого бродягу!..

– У меня всегда были идеи. – Медленно ступая по сверкавшему полу, Хьюго направился к окну, и солнечные лучи заиграли на его сапогах. – Но скажи мне, кто же ровня сыну герцога?

– Что?.. – Уиллингем утер лоб рукавом. – На что ты намекаешь?

– Я прекрасно помню, к какому кругу принадлежу, – продолжил Хьюго. – Но это не значит, что им и ограничусь. Если бы я общался исключительно с себе подобными…

– А есть и другие… такие же, как ты? Боже нас сохрани!

– Тогда круг моего общения был бы слишком узок и невероятно скучен. Я вовсе не ищу крови и грязи, однако знаю: если можно облегчить страдания человека, то необходимо пачкаться в крови. И если уж говорить откровенно… Знаешь, я даже рад, что могу испачкать руки кровью. Вроде как во искупление того зла, которое мы совершили.

– Того зла, что причинил я? Ты это хочешь сказать? Ты действительно думаешь, что эта кровь – на моей совести?

В голосе герцога слышалась такая боль, что Хьюго невольно вздрогнул и, повернувшись, пробормотал:

– Ты сам так сказал, не я.

– Я лишь указал на то, что стоит между нами уже много лет.

И это была чистейшая правда. С тех пор как умер Мэтью, взаимное недоверие стало причиной отчуждения между герцогом и его младшим сыном. И это недоверие, как невскрытый нарыв, отравляло любые попытки наладить отношения.

– Со дня смерти Мэтью ты не можешь меня простить, а ведь я сделал все возможное, чтобы его спасти. Я нанял самого лучшего доктора… не пожалел денег, – проговорил герцог с горечью.

– Самого дорогого? Да, верно. Но не лучшего. Тот факт, что он пустил кровь в серебряный таз, вовсе не означает, что лечить следовало именно кровопусканием.

– Но если кровь отравлена, что же еще делать?

– А откуда взялся яд? – Хотя правильнее было бы спро-

сить, почему. Увы, отец не задавался этим вопросом, поэтому Мэтью и умер. – Следовало воздействовать на причину. А кровопускание лишь ослабило его организм.

Хьюго до сих пор помнил те печальные дни в мельчайших подробностях. Жар и кашель усиливались с каждым часом. Брат отчаянно сражался за каждый свой вздох, а его ногти и губы наливались синевой. Облегчение больному приносил только приготовленный экономкой чай, приправленный медом и настоем коровяка, но из-за этого чая бедная женщина лишилась своего места – нечего было вмешиваться в процесс излечения герцогского сына!

– Мы говорили об этом уже множество раз. – Герцог медленно обошел манекен, как будто выискивал на нем место, куда еще не вонзалось его разящее оружие. – Хьюго, ведь это было четырнадцать лет назад! Он мертв едва ли не дольше, чем прожил на свете! Когда же ты перестанешь вспоминать об этом? Когда простишь меня?

Резкость отцовского тона разозлила Хьюго, и он, даже не пытаясь сдерживаться, жестко проговорил:

– Ты просишь о прощении, а сам не можешь на меня смотреть даже по прошествии четырнадцать лет! Когда же ты простишь меня за то, что у нас с Мэтью одно лицо?

После смерти Мэтью ни мать, ни отец не желали видеть сына, как две капли воды похожего на того, кого они потеряли. Казалось, само существование Хьюго – живого напоминания об умершем сыне – только увеличивало их горе.

– Я сейчас говорю не о нем! – Герцог с яростью внезапно вонзил рапиру в бок манекена. – Хьюго, я прошу тебя подумать о своей репутации. Подумай о том, как твое поведение отражается на семье. Ты ведь знаешь, чем тебе придется пожертвовать, дабы осуществить свои планы. Стоят ли они такой жертвы?

Хьюго тяжело вздохнул. Итак, они пришли к тому, с чего начали. Как всегда.

– О какой жертве вы говорите, ваша светлость? Ведь я потерял брата-близнеца, мое второе «я»…

Уиллингем молча отвернулся к окну, судорожно сжимая эфес рапиры. Покосившись на безжалостно истерзаный отцом манекен, Хьюго покачал головой и тихо сказал:

– Ты можешь как угодно искромсать манекен, но этой битвы тебе никогда не выиграть.

Герцог молча подошел к окну и в его высоком проеме сейчас походил на портрет, причем «написанный» на фоне самой шикарной из лондонских улиц: здесь билось сердце высшего света и здесь обитали только избранные.

Понимая, что говорить больше не о чем, Хьюго подтолкнул носком сапога лежавшую на полу рапиру, и та со звоном отлетела к ногам герцога. С этим он покинул бальный зал.

Чтобы отыскать Джорджетту.

Бледная и растерянная, девушка стояла в коридоре гостевого крыла и рассматривала старый семейный портрет, который его родители специально повесили сюда, чтобы боль-

ше на него не смотреть.

Что ж, раньше или позже, но она должна была узнать про Мэтью, так что пусть смотрит. Стараясь не давать волю раздражению, Хьюго проговорил:

– Полагаю, было бы глупо требовать, чтобы вы сидели в своей комнате как благовоспитанная гостья.

– Разумеется, – ответила девушка. – Мне никогда еще не приходилось бывать в богатом особняке, поэтому хочется все получше рассмотреть. – Она указала на картину, где была изображена вся семья герцога в полном составе. – Смотрите, вас тут почему-то двое. Я точно знаю, что это вы, – видно по носу.

– А… Фамильный нос Уиллингемов… – протянул Хьюго.

– Но почему вас здесь двое? Я знаю, как выглядят ваши братья: видела изображения в колонках светских новостей в газетах, – они почти не изменились за прошедшее время. Вот это – маркиз Лофтус, кажется. А вот ваш второй брат…

– Да, это лорд Хилари. Я всегда думал, что мне очень повезло, раз я избежал этого нелепого имечка.

– Скажите, а у вас нет какого-нибудь второго имени?

– К счастью, нет. К тому времени как я родился, фантазия моих родителей истощилась, так что я самый обычный лорд с самым обыкновенным именем. – Хьюго кивнул на семейный портрет и добавил: – Таким был и Мэтью.

Взглянув на девушку, он понял по ее лицу, что до нее наконец-то дошло.

– Так это не вы в двух экземплярах? Значит, у вас был брат-близнец?

– Да, у меня был брат-близнец. – Хьюго немного помолчал; ему всегда было трудно говорить о брате. – Он умер от воспаления легких вскоре после того, как нам исполнилось по восемнадцать.

– О, Хьюго… – Теперь в глазах Джорджетты было искреннее сострадание. – Я же не знала…

– Разумеется, откуда вы могли об этом знать.

– Так вот почему вы… Сейчас мне понятно, почему вам так дорога эта больница. Почему же вы не сказали об этом сэру Джозефу Бэнксу?

Хьюго прислонился к стене и пробурчал:

– Потому что это личное дело, никак не связанное с поиском денег на больницу.

– На Бэнкса не произвели впечатления логические доказательства, а личное – это гораздо понятнее.

Хьюго взглянул на девушку и проворчал:

– Вот видите?.. Когда я об этом говорю, люди сразу же начинают обращаются со мной по-другому – и вы тоже растаяли, – поэтому предпочитаю помалкивать.

– А почему бы мне не относиться к вам по-другому? Теперь я о вас гораздо лучшего мнения. Вы ведь действуете не из упрямства, а по зову сердца.

– Я бы не стал сбрасывать со счетов упрямство, – пробурчал Хьюго. – Послушайте, мисс Фрост…

– Джорджетта.

– Ладно, хорошо. Джорджетта, скажите, вы все еще хотите разыскать брата и, если получится, заработать королевскую награду? Если да – тогда сразу к делу. Пустых разговоров на сегодня достаточно, понятно?

Девушка, казалось, хотела возразить, но лишь молча кивнула.

– Тогда не позволяйте слугам распаковывать ваши вещи, – добавил Хьюго. – Мы отправляемся в Дербишир следующей же почтовой каретой.

Глава 4

Джорджетте уже приходилось путешествовать в наемных экипажах – по Лондону, а пару раз она выезжала и за пределы города – в дилижансе. Совсем недавно – благодаря лорду Хьюго – ей даже удалось прокатиться в герцогской карете, но никогда еще не путешествовала она в каретах Почтовой службы его величества.

Нетерпение, радость, предвкушение чего-то необычного – эти чувства одолевали ее и не давали покоя. Уже само название гостиницы на почтовой станции казалось ей завораживающим: «Двуглавый лебедь». Через арку на гостиничный двор непрерывно проезжали всевозможные экипажи – сюда доставлялись мешки с почтой и сюда же прибывали пассажиры, готовые затем отправиться в длительное путешествие.

Близился вечер, и закат окрасил небо пылающими лучами – рубиновыми, оранжевыми и золотыми, – казавшимися приветливой улыбкой заходящего солнца. «Как странно отправляться в путь на ночь глядя», – подумала Джорджетта. Но как объяснил Хьюго, так обычно и случалось, если приходилось путешествовать в карете Королевской почтовой службы, девизом которой была скорость. При ярком свете каретных фонарей можно было быстро передвигаться по пустынным ночным дорогам, тогда как днем все дороги были запружены транспортном.

– В закатный час, – процитировала Джорджетта, – и музыка слышней! Гармонии божественной подобно кончают песнь сладчайшим из созвучий! Всех ярче в небе след звезды падучей!

– Музыка… слышней? – Хьюго в недоумени нахмурился. – О чем это вы? Я не слышу никакой музыки!

– Это из Шекспира, – пояснила Джорджетта. – Меня бы выгнали из магазина давным-давно, если бы я не знала Шекспира наизусть.

– Шекспир? – Хьюго насмешливо фыркнул. – Только неисправимый романтик может думать о Шекспире в такую минуту, посреди кучи конского навоза.

И в этом он не ошибался – над двором висел ужасный смрад.

– Но ведь поэзия нужна больше всего именно тогда, когда сидишь по уши в конском навозе, – с улыбкой возразила девушка.

Спутник уставился на нее в изумлении: как будто она вдруг заговорила на незнакомом языке, – затем усмехнулся и кивнул.

– Да, верно. Прямое попадание. Прямо в точку, госпожа Книжный Червь. Если Шекспир помогает вам забыть про навоз, можете цитировать его сколько угодно.

Привстав на цыпочки, Джорджетта обвела взглядом двор, чтобы отыскать их карету. В Уиллингем-Хаусе она сменила свой громоздкий древний сундук на кожаный саквояж, ко-

торый отыскал для нее на чердаке слуга. У Хьюго – на нем теперь был другой сюртук и теплый плащ с накидкой – был похожий саквояж (наряду с длинным кожаным футляром, в котором находились драгоценные чертежи).

– Только постарайтесь не наступать мне на ноги, – предупредил Хьюго. – У вас, кажется, сложилось впечатление, будто мы отправляемся в героический поход, как в рыцарских романах, а это всего лишь деловая поездка, пусть и долгая.

– Можете называть нашу поездку как хотите, а я буду думать то, что захочется мне.

Джорджетта опять приподнялась на цыпочки. Может быть, это вон та карета, запряженная четверкой гнедых, которые так и рвутся пуститься вскачь? Хотя нет – эта отправляется на юго-восток.

В руках они держали билеты на карету до Манчестера, путь которой пролегал через дербиширские городки, в том числе – через деревню Строфилд, откуда отправил ей свое последнее письмо Бенедикт. Стоимость поездки – четыре пенса за милю. Следовательно, билеты обошлись в весьма существенную сумму – по три фунта каждый.

– Вот, пожалуйста, – сказал Хьюго, выкладывая деньги также и за ее билет. – И не надо возражать. – Он взглянул на Джорджетту. – Я ведь вам должен – вы же сами об этом постоянно говорили.

Она вовсе не собиралась возражать. Все свои скромные сбережения Джорджетта спрятала в кошель и засунула по-

глубже в карман платья.

Наконец они увидели манчестерскую карету, готовую пуститься в путь. Лошади прядали ушами и от нетерпения выбивали дробь копытами, пока шла погрузка (сундук за сундуком и тюк за тюком укладывались и на самый верх кареты, и в багажное отделение сзади). Пассажиры с дешевыми билетами также лезли наверх, где пытались отыскать свободное местечко, а Джорджетта забралась внутрь и заняла место по ходу движения. Хьюго сел напротив нее, пристроив длинный футляр с бумагами на коленях.

«Ладно, пусть не рыцарский поход, – с улыбкой думала Джорджетта. – Но все же это не деловая поездка, а нечто большее…» И очень может быть, что их ждет… какое-нибудь невероятное приключение. Как странно… Ведь еще сегодня утром ей казалось, что лорд Хьюго Старлинг положил конец ее надеждам на счастливое будущее, а теперь он стал ее спутником в это самое будущее.

Да, действительно странно. И не так уж неприятно.

Они опять очутились наедине – уже не в первый раз за сегодняшний день, – однако теперь их уединение почему-то казалось более полным, возможно потому, что противоположное сиденье находилось совсем рядом. Во всяком случае, сейчас близость лорда Хьюго ощущалась гораздо сильнее, чем прежде. Да, конечно, вскоре к ним присоединятся и другие пассажиры, но сейчас-то они одни.

Подобрав ноги под сиденье, Джорджетта задумалась: на-

верное, следует что-то сказать – но что?.. «Спасибо, что вы оказались не таким надутым и упрямым, как я думала»? А может, сказать именно, что он оказался таким милым? Нет-нет, уж лучше помолчать.

– Вам нужна горничная, – неожиданно заявил Хьюго. – Да, нам следовало прихватить кого-нибудь из герцогского дома.

– Глупости! – воскликнула Джорджетта. – К тому же у нас не было времени на уговоры ваших родителей. И вообще, уж если вы помогаете мне разыскать брата, то… Получается, что вы сейчас как бы вместо него. – Лорд Хьюго взглянул на нее скептически, но девушка решительно добавила: – Так что вы мне теперь как брат. Только на время путешествия, конечно же.

– Нелепость какая-то… – пробурчал Хьюго. – Нет, разумеется, я забочусь о вашей репутации и…

– Об этом должна заботиться я, – перебила девушка. – Однако же… Вы, кажется, говорили, что я могу вам доверять, потому что вы обещаете вести себя как джентльмен, не так ли?

– Да, именно так, – ответил Хьюго. – Мне доверять вы можете, но я не могу поручиться за остальных попутчиков.

– Я этого и не жду… то есть понимаю, что вы не можете отвечать за других.

«Значит, мне можно успокоиться? – спрашивала себя Джорджетта. – Да, наверное, можно. И все-таки жаль…»

Ох, какая же она дура! Ей нужно вспомнить, ради чего все это затевалось. А затевалось все потому, что ей надо найти украденные золотые и брата в придачу. Сначала следовало найти деньги, чтобы обеспечить свое будущее, а потом – того, кому вроде бы надлежало о ней заботиться. И вовсе она не собирается вздыхать по мужчине, сидящему напротив…

– Ну и ладно, – выпалила она в ответ на собственные мысли. – Лучше давайте подумаем, на что можно рассчитывать. Есть у вас листок бумаги и что-нибудь, чем можно писать?

Хьюго извлек из своего кожаного футляра и то и другое.

– Благодарю вас, – кивнула Джорджетта, старательно разгладила листок у себя на коленке и огрызком карандаша начала писать. – Итак… Сегодня двадцать девятое мая. Таким образом, у нас остается месяц с небольшим до первого июля, когда соверены должны быть пущены в свободное обращение. Если их не найдут до этого срока, Королевский монетный двор отзовет обещанную награду.

– Но мне нельзя покидать Лондон на такой срок, – заметил Хьюго.

– Может, управимся и быстрее, – пробормотала Джорджетта и нацарапала на листке еще несколько цифр. – Скажем, семь миль в час… Когда же мы туда доберемся?

– Пожалуйста, покажите мне, что вы там пишете, – попросил Хьюго. – Когда человек что-то считает и бормочет себе под нос, это очень настораживает.

Вскочив со своего места, девушка сняла кожаный футляр

с коленей Хьюго, вернула ему листок и карандаш, присаживаясь рядом с ним, пояснила:

– Я пытаюсь вычислить, сколько дней нам остается на поиски.

– В таком случае надо вычесть дни, которые мы потеряем, добираясь до места.

– Я так и собиралась, однако путешествие вовсе не обязательно пустая трата времени.

– Разве? Позолоты в нашей карете пока что нет. – Хьюго опять положил кожаный футляр себе на колени, а сверху пристроил листок.

– Если делаешь то, что тебе нравится, разве это пустая трата времени?

Ей, к примеру, нравилось сидеть рядом с Хьюго. Тем более что теперь на нем был чистый сюртук. Правда, выражение его лица казалось слишком уж строгим. Впрочем, Джорджетта ничего не имела против строгости, если она была приправлена долей юмора.

Вернув ей листок, Хьюго пробурчал:

– Мне придется поверить в ваши расчеты. Тут для меня слишком темно, и я ничего не вижу без очков.

– Вы носите очки?

– Иногда. Для чтения. Обычный инструмент для тех, кто годами корпит над книгами при жалком свете свечи. – Хьюго снова протянул девушке огрызок карандаша. – Итак… тридцать три дня, начиная с сегодняшнего. Потом золотые сове-

рены пойдут в обращение.

– Однако…

– Погодите! – Хьюго вскинул вверх руку. – Для начала мы найдем вашего брата, а потом выясним, что ему удалось узнать в Дербишире об украденных соверенах. Кроме того… я решил, что тоже участвую в поисках.

Джорджетта скрестила на груди руки.

– О боже! – воскликнул ее спутник. – Похоже, вы снова хотите мне возразить. Что же на сей раз?

– Значит, вы собираетесь поохотиться на золотые? Но ведь это была моя идея! Меня нельзя исключать из игры!

– Вас никто и не исключает. Ведь вы будете с братом. Я обещал, что передам вас ему с рук на руки.

Джорджетта насупилась. Чертов упрямец! С чего она взяла, что на него приятно смотреть? Было бы гораздо приятнее дать ему пинка.

– Моя главная цель вовсе не поиски брата, – заявила девушка. – На самом деле я собиралась…

– Вот и занимайтесь чем собирались, а я просто вам помогаю.

– Но не на ваших, а на моих условиях! Я же не просила вас о помощи… Ваша помощь мне не нужна, – возразила Джорджетта.

Последние ее слова весьма озадачили Хьюго.

– Помощь никому не помешает, – пробормотал он вполголоса.

Джорджетта молча пожала плечами. Она почти не знала своего старшего брата: ведь Бенедикт отправился плавать по морям, когда ей было всего три года от роду, а ему – двенадцать. Дома он появлялся лишь время от времени, и долгие годы они жили втроем. Родители были как бы дополнением к своему книжному магазину и ожидали того же от дочери – то есть ей следовало отказаться от всех человеческих потребностей, забыть про голод и усталость, а ее единственными друзьями были лишь персонажи книг, которые она читала.

Джорджетта не вполне соответствовала ожиданиям родителей, но гораздо лучше, чем требовалось для ее блага. Да что об этом говорить? Ведь ребенок пойдет на все – только бы родители его любили или хотя бы замечали (даже если будет делать вид, что вовсе не жаждет их любви). Но родители все равно принесли ее в жертву собственным интересам – не ради листьев колокольчика, как в сказке про Рапунцель, а ради листов бумаги с напечатанными на них буквами.

– Мне не нужна помощь, – повторила она. – И я собираюсь путешествовать, пока не найду украденное золото: не хочу возвращаться туда, откуда пришла.

Хьюго в растерянности заморгал.

– Но ведь вам нужна какая-то цель, чтобы…

– Отыскать украденные золотые – это и есть моя цель, – перебила Джорджетта.

– Однако первого июля погоня за золотом так или иначе закончится. Что вы станете делать потом?

Девушка с улыбкой пожала плечами.

– У нас еще больше месяца. К тому времени как мы доживем до этой даты, я что-нибудь придумаю, уж будьте уверены.

– Так цели не ставят, – возразил Хьюго. – Чтобы правильно поставить цель, надо сначала решить, что вы будете делать потом, после того как…

– Лорд Хьюго, не все идут по жизни так, как вы: с золотым кольцом-печаткой и кожаным футляром для чертежей, которые сделал для вас архитектор, – проворчала Джорджетта. – Я сказала, что хочу найти украденные соверены, а мой брат всего лишь средство для достижения этой цели. Если же я не найду брата, но сумею найти золото, – значит, именно это мне и нужно, – добавила девушка.

Ее спутник промолчал, однако посмотрел на нее так, будто что-то прикидывал в уме. «Уж лучше бы разозлился», – подумала Джорджетта. Надо было подкинуть ему наживку: пусть бы взорвался, накричал на нее – только бы не это выражение отчаяния на лице!

– Вы всегда так тяжко трудились… – проговорил он наконец. – То есть я хотел сказать… вот уж не думал, что близкие люди вам настолько безразличны.

– Я такой и не была до недавнего времени, – сказала Джорджетта. – Но мои родители умерли, а наш семейный магазин был продан. Братец же мой, морской бродяга, вернулся в Англию, однако меня не навестил. В тот день, когда мне

исполнится двадцать один год, я стану нищей и бездомной. И я предпочла уехать, чтобы сохранить хотя бы достоинство, то есть уехать до того, как меня выставят на улицу. Конечно, нельзя сказать, что у меня совсем нет денег, однако позаботиться обо мне некому.

Лорд Хьюго нахмурился и, откинувшись на спинку сиденья, произнес:

– Джорджетта, но такого просто не может быть…

– Увы, ситуация именно такова. И как только я это поняла, сразу же задалась вопросом: а что, собственно, терять? И действительно, почему бы не надеть штаны и не пуститься в одиночное плавание? Почему бы не забыть, кем я была раньше, если личность Джорджетты Фрост ничем не поможет мне в будущем? Я не могу жить одними лишь надеждами и терять время в компаньонках у какой-нибудь богатой дамы. Я должна сама обеспечить свое будущее.

Хьюго дослушал ее речь до конца, ни разу не перебив, потом улыбнулся – очень мило и с некоторым смущением, – после чего изрек:

– Вам очень давно хотелось выговориться, верно?

– Да, верно. Очень давно хотелось.

– Видите ли, я… – Хьюго в нерешительности умолк.

– Только не надо говорить банальности и жалеть меня, – проворчала Джорджетта. – Пожалуйста, не надо. Иначе мне придется заколоть вас этим вот карандашом. Но тогда меня отправят в тюрьму, и я не смогу добраться до украденных

золотых.

– Что ж, возможно, у вас появится шанс заколоть меня в июле, – пробормотал Хьюго. – И в этом случае…

Он внезапно замолчал, глядя куда-то в сторону. Проследив за его взглядом, Джорджетта поняла, что путешествовать им придется в компании, как она и предполагала. Две женщины среднего возраста – обе в опрятных платьях по моде среднего класса – одна за другой забирались в экипаж.

– Разве не красота? – воскликнула та, что была потоньше, в украшенной перьями шляпке, и, усевшись, поставила себе на колени корзинку с провизией. – Я еще ни разу не ездила внутри.

– Значит, неплохо быть вдовой, не так ли? – Вторая женщина – с розовыми щеками и в шляпке, украшенной яркими шелковыми цветами, – с трудом протолкнула свою дорожную сумку в дальний угол кареты. – Получаешь все, что муженек оставил тебе по завещанию, и тратишь в свое удовольствие. – Пыхтя и отдуваясь, она уселась возле своей товарки, после чего дверца кареты захлопнулась. – Гляди-ка, Эдна! Мы будем путешествовать в компании. И это очень приятно, доложу я тебе!

– Добрый вечер, – с вежливой улыбкой сказал Хьюго. – Я полагаю…

– Вам уже доводилось ездить внутри кареты? – затараторила дама. – Мы вот говорили… Да вы и сами все слышали, могу ручаться! О, это настоящее счастье, когда в дороге у

тебя есть крыша над головой. А когда сидишь наверху… Ох, всю ночь глаз не сомкнуть!

– Именно так, – кивнул Хьюго. – Видите ли, мне…

– А я – миссис Друп! – радостно воскликнула розовощекая женщина. В это мгновение Джорджетта услышала, как щелкнул кнут, затем кто-то что-то прокричал, и карета, качнувшись, тронулась с места. – А это моя сестра, миссис Брандидж.

На сей раз Хьюго промолчал: несомненно, из опасения, что его снова перебьют, – а его спутница с трудом удерживалась от смеха. Наблюдать, как сыну герцога то и дело затыкают рот, было для Джорджетты сродни цирковому представлению. Она понимала, что смеяться не стоило, однако сохранять спокойствие становилось все труднее. И вот уже ее плечи тряслись от беззвучного смеха – с этим, увы, она ничего не могла поделать.

Должно быть, Хьюго почувствовал, что его спутница давится от смеха, и потому легонько толкнул ее локтем под ребро. Хотя, возможно, это вышло случайно, потому что карету в тот момент качнуло.

– Мы обе вдовы, – сообщила худощавая. – И знаете, мы развлекаемся от души! Едем сейчас навестить нашу сестру – ведь у нас есть еще одна сестра, то есть две сестры, только мы не разговариваем с младшей, потому что…

– Послушай-ка, Эдна, – прокудахтала розовощекая, – ведь так нельзя, мы совсем заговорим наших друзей. Что они о

нас станут думать?

Чтобы не расхохотаться, Джорджетта прикрыла рот ладонью.

Когда женщина назвала Хьюго другом, у него сделалось такое лицо, что просто пиши с него картину! За такой портрет Джорджетта не пожалела бы и половины своих жалких сбережений. Она тоже толкнула его локтем – в ответ, – и вот это уж точно вышло не случайно.

– Они думают совсем не о нас. – Худощавая заулыбалась, отчего на ее щеках появились ямочки. – Только друг другом – вот чем они заняты. Погляди – жмутся друг к другу, точно голубки! Вы ведь новобрачные, правда?

Хьюго тотчас же вжался в дальний угол сиденья.

– Нет, не новобрачные, – пробурчал он.

«Совсем не обязательно произносить эти слова таким оскорбленным тоном», – подумала Джорджетта, а ее спутник тем временем проговорил:

– Видите ли, меня зовут Хьюго Ларк, а это – моя двоюродная сестра мисс Сноу. – Он бросил на Джорджетту мрачный взгляд и добавил: – К сожалению, моя кузина немая. – С этими словами Хьюго весьма выразительно взглянул на ее локоть.

«Негодяй! – мысленно воскликнула Джорджетта. – Ведь ты первый меня толкнул!»

Она уже открыла рот, дабы опровергнуть ложь насчет немой кузины, но тут Хьюго вновь заговорил:

– Правда, иногда она что-то бормочет, но предупреждаю: бедняжка переболела мозговой горячкой, поэтому не нужно обращать на нее внимание.

– О-о, какая жалость! – воскликнула миссис Друп. – Так она немая, говорите? Ах, ты боже мой! Тогда вы и думать не можете о том, чтобы на ней жениться, правда? Ах, бедняжка! А я так люблю смотреть на новобрачных! Они такие счастливые! Но быть вдовой тоже совсем не плохо. Да-да, очень даже неплохо. – Миссис Друп повернулась к сестре. – Мозговая горячка! Подумать только!.. Дорогая, а помнишь…

И женщины продолжили болтать, развлекая друг друга общими воспоминаниями.

Джорджетта же перевернула листок и огрызком карандаша, зажатым в кулаке, крупными отчетливыми буквами, чтобы Хьюго смог прочесть без очков, написала: «Я вам за это отомщу». Широко улыбнувшись, она сунула листок своему спутнику.

– Что она написала, мистер Ларк? – с любопытством взглянула на Хьюго миссис Друп.

– Моя кузина пишет, что ужасно рада с вами познакомиться, – ответил он с невозмутимым видом.

– Какая милая девочка! – Миссис Брандидж подмигнула Джорджетте. – Хотите яблочка из моей корзинки, мисс Сноу?

В тот же миг Джорджетта поняла, что с самого завтрака ничего не ела, и, утвердительно кивнув, улыбнулась. После

чего, откинувшись на спинку сиденья, с хрустом надкусила красное яблоко.

А Хьюго тем временем вытащил из ее руки карандаш, затем, порывшись в своем футляре, извлек складной нож.

– О-о!.. – тихонько взвизгнула миссис Друп. – Нож, сестрица! У него нож!

– Не трусь. – Миссис Брандидж схватила корзинку и начала рыться в ней. – У меня тоже есть ножик, и я сумею защитить нас обоих. Вот вам, мистер Ларк! – И она с торжественным видом продемонстрировала… вилку.

Хьюго, поглощенным тем, что очищал конец карандаша от обломков грифеля – Джорджетта столь энергично на него нажимала, что он сломался, вскинул на нее взгляд и в растерянности пробормотал:

– Прошу прощения… Вы хотите, чтобы я взял эту вилку?

– Господи, нет, конечно же! – Миссис Брандидж протянула вилку сестре и пробормотала: – Он где-то тут, где-то тут… – Она извлекла из корзинки пирог, затем – еще одно яблоко, а потом сверток с холодным цыпленком, и вся эта снедь была переправлена на колени к сестре. – Погодите-ка, мистер Ларк. Я его сейчас найду.

– Жду с нетерпением. – Хьюго поднес карандаш к глазам, критически осмотрел и срезал еще несколько стружек.

– Вот же он! О, нет-нет! Это кость того цыпленка, что мы съели в обед. Сестрица, у меня правда был нож в… Ага! – В следующее мгновение миссис Брандидж извлекла из недр

корзинки нож. – Вот так-то, мистер Ларк. Видите?

Плечи Джорджетты снова затряслись – она не веселилась так со дня последней вылазки в Воксхолл-гарденс. К этому времени Хьюго уже успел сложить нож и убрать на место, потом тщательно собрал стружки и выбросил в окно кареты. Закрыв окно, он снова сел лицом к попутчицам, и в тот же миг миссис Брандидж, выставив перед собой нож, закричала:

– Ха, вот видите?

– Благодарю вас, вы очень любезны. – Хьюго вытащил нож из слабых пальцев женщины, затем взял у Джорджетты яблоко и отрезал ломтик. Вернув нож и яблоко, он отправил ломтик в рот и пробормотал: – О, прекрасное яблоко, миссис Брандидж. Огромное вам спасибо. – Джорджетта украдкой пнула его, и он добавил: – И вам спасибо, мисс Сноу. За щедрость…

– О-о!.. – Миссис Брандидж с удивлением уставилась на нож в своей руке: казалось, не понимала, откуда он взялся. – Так вы… Ах, не стоит меня благодарить. Пустяки…

– Значит, вы не собираетесь на нас нападать? – Миссис Друп, похоже, расстроилась. – Не хотите даже попытаться? Но, уверяю вас, мы сможем дать вам отпор.

Джорджетта улыбнулась. Судя по всему, эта почтенная дама прочла не меньше романов, чем она.

– Подобная попытка была бы глупостью с моей стороны, – ответил Хьюго. – И грубостью к тому же. Ведь вы были очень

любезны, угостили яблоком мою кузину…

– О, приятно слышать!.. – Миссис Брандидж придирчиво оглядела содержимое корзинки, все еще лежавшее на коленях сестры, затем спросила: – Не желаете ли отведать этого пирога, молодые люди? Там внутри те же самые яблоки, что вам так понравились. Но только резать буду я, с вашего позволения…

Хьюго и Джорджетта закивали, и добросердечные вдовушки поделились с ними сладким пирогом с хрустящей корочкой, затем отрезали и по кусочку от оставшегося цыпленка. А Хьюго извлек из своего кожаного футляра, казавшегося бездонным, пакетик жареного миндаля и пустил угощение по кругу. Только Джорджетте нечего было предложить попутчикам, но пировала она наравне со всеми, поэтому старалась выразить свою благодарность взглядами, обращенными ко всем троим, но в первую очередь – к сестрам. И, конечно же, она наслаждалась зрелищем, которое являл собой лорд Хьюго Старлинг, затеявший разговор с немолодыми вдовами. Он полагал, что упростит дело, представив ее немой, но… как там говорится? «Не рой другому яму»? Да, Джорджетта наизусть помнила все, что вычитала у Шекспира.

За окнами кареты миля проносилась за милей, а солнце уже закатилось – точно похищенный золотой соверен, – и на смену ему явился молочно-белый месяц, озаривший ночное небо прохладным серебристым светом. То и дело мига-

ли огоньки каретных фонарей, и пассажирам казалось, что вокруг экипажа порхают светлячки.

Наконец, когда с трапезой было покончено и остатки ее убрали в корзинку, Джорджетту стало клонить в сон. Некоторое время она пыталась бороться с накатывавшей дремотой и изо всех сил сжимала зубы, подавляя зевоту. Сестры же благополучно заснули, склонившись головами одна к другой, и казалось, что они по-прежнему о чем-то беседуют.

Внезапно лорд Хьюго усмехнулся и, взглянув на девушку, тихо спросил:

– Устала, дорогая кузина? Что ж, день выдался долгий, а ночь будет еще длиннее.

В смутном серебристом сиянии Джорджетта увидела, как он стащил с себя плащ и, аккуратно сложив, разместил наподобие подушки у своего плеча. Покосившись на девушку, сидевшую с ним рядом, Хьюго прошептал:

– Спите, а я постерегу. Спите столько, сколько вам захочется.

Джорджетта нахмурилась, скрестив на груди руки, но в этот ночной час не могла долго упорствовать и, привалившись к своему спутнику, положила голову на его широкое плечо.

Карета мерно покачивалась, Хьюго молчал, и через несколько минут девушка уже крепко спала, и ей снился замечательный сон… Она жила в маленьком домике, и у нее был целый сад колокольчиков-рапунцель с сочными зелены-

ми листьями. Она рвала эти листья сколько душе было угодно, но в отличие от сказки никакой беды от этого не случалось. Во сне она была дома – и в полной безопасности. Когда же она как-то раз открыла дверь своего домика, ее приветствовал голос того, кто ее любил…

Глава 5

«Она написала, что отомстит, и ей прекрасно это удалось», – со вздохом подумал Хьюго. Долгие часы этой чернильно-черной ночи Джорджетта спала, положив голову ему на плечо. Ее обмякшее тело навалилось на него всем своим деликатным весом, цветочный аромат ее волос дразнил и возбуждал, а бедра их то и дело соприкасались – такое доверие к нему обезоруживало и сбивало с толку.

Но она-то не сознавала, что происходит. Невинная спящая девочка… А он, Хьюго, действительно был смущен и сбит с толку, и это его ужасно злило, потому что у него не было времени на загадки.

Он и сам время от времени задремывал, но просыпался каждый раз, когда почтовая карета делала остановки на несколько минут, чтобы на очередной почтовой станции сбросить груз и взять новый, поэтому вся ночь для Хьюго состояла из обрывков сна и толчков. К половине седьмого его попутчицы начали просыпаться. Часом ранее встало солнце, и небо сделалось свежим и нежно-голубым. Когда же карета сделала остановку в Нортгемптоне для отдыха пассажиров и смены лошадей, Хьюго, Джорджетта и болтуньи сестры выбрались наружу, чтобы размять ноги.

На постоялом дворе Хьюго удовлетворил насущные физические потребности, а также вымыл руки и лицо, промыл

глаза, которые словно песком засыпало. После этого он купил у хозяина постоялого двора несколько мясных пирожков и отправился на поиски Джорджетты. Хьюго обнаружил ее в дальнем углу двора: она, уединившись, просматривала газету.

– Кузина, завтрак! – объявил он, подавая девушке ароматный, пышущий жаром пирожок, сочившийся жиром.

Надкусив свой, он обнаружил внутри начинку из пряной говядины, картофеля и лука. Горячий сочный пирожок унял бурчание в желудке, и Хьюго проглотил свою порцию в мгновение ока, а подкрепившись, опять обратил взгляд на Джорджетту. Она жевала пирожок, но все ее внимание было поглощено газетой.

– Ох, Хьюго, – пробормотала она наконец, – кажется, нам не нужно ехать в Дербишир. Только взгляните! – Она сунула ему газету. – Вот смотрите… В Донкастере была арестована горничная, у которой нашли золотые украшения, массивные и грубо сработанные. Девица заявляет, что это старинные вещи, которые она случайно выкопала из земли. Но она наверняка их украла. Так сообщает местный мировой судья.

Хьюго пробежал глазами несколько строчек, потом пробурчал:

– И что же?

– А то, что судья скорее всего ошибается. Я думаю, эта девица изготовила украшения… из какого-то постороннего золота. Ведь никто в округе не заявлял о пропаже драгоцен-

ностей. Так говорится в заметке.

Хьюго сложил газету и протянул Джорджетте. Девушка сдула с пальцев последние крошки хрустящей корочки и, взяв газету, спросила:

– Вы чем-то озадачены?

– Нет, вовсе нет. В половине седьмого утра я всегда выгляжу именно так. Но почему вас так встревожила эта горничная из Донкастера? – Оглянувшись, Хьюго отыскал глазами их экипаж. Нет, кучер еще не занял свое место на козлах, и, следовательно, у них оставалось несколько минут.

– Неужели не понимаете? – проворчала Джорджетта. – Что ж, сейчас объясню… Видите ли, я думаю, что часть украденных золотых уехала дальше на север.

– Но одна монета была потрачена в Строфилде, в графстве Дербишир. Туда мы и едем.

– Это не значит, что все монеты находятся именно там. Было украдено шесть сундуков, правильно? Пятьдесят тысяч соверенов! Ведь их можно отправить… по пятидесяти тысячам разных направлений.

– Для чего? – удивился Хьюго.

– Ох, опять не понимаете. Разумеется, я преувеличиваю. Просто я хочу сказать, что украденное могли разделить на части и развезти по разным местам. И еще – этот браслет. Он отлит из украденных соверенов, иначе и быть не может.

На лице Хьюго отразилось сомнение, и Джорджетта, шлепнув его по руке газетой, добавила:

– Вот смотрите… Предположим, я убила бы массу людей и украла бы целое состояние в золотых монетах. В таком случае я бы точно их расплавила.

– А вы рассуждаете как самая настоящая преступница, – с усмешкой заметил Хьюго. – Знаете, я начинаю тревожиться…

– А я-то надеялась поразить вас своей догадкой, – пробормотала девушка.

– Отлично, – кивнул Хьюго. – Я поражен. – Отчасти так оно и было. Ему как-то не приходило в голову, что золотые монеты действительно проще расплавить, нежели прятать. – Ну и как бы вы стали их плавить, юная преступница?

– Думаю, с помощью… Но ведь как-то их плавят, верно? Наверное, для этого подойдет кузнечный горн.

– А что бы вы стали делать с такой кучей золотых слитков?

Джорджетта швырнула газету прямо в корзину проходившей мимо служанки, чем изрядно напугала женщину.

– Жила бы в праздности и роскоши, – заявила она.

– Что ж, понятно… – со вздохом отозвался Хьюго. – Мог бы и сам догадаться. – Он очень жалел, что не наполнил флягу горячим кофе, пока находился внутри постоялого двора. – Однако подумайте вот о чем… Такой образ жизни привлек бы к вам внимание. Только представьте: особа, ранее прозябавшая в бедности, внезапно стала богатой дамой, причем – после кражи с Королевского монетного двора, о которой уже знает вся Англия.

– Да, так и было бы. Именно поэтому в газете и появилась эта статья о горничной из Донкастера. – Джорджетта вздохнула и добавила: – В газете ничего не говорилось об украденных соверенах, но, думаю, не только нам пришла в голову мысль о переплавке. И если мы сейчас же не возьмем этот след, то нас опередят другие.

– Мы? Нет-нет, увольте… – проворчал Хьюго. – С финансовой точки зрения ваша идея не стоит и выеденного яйца. Если соверены переплавить в украшения и попытаться поместить их под залог, ростовщик не даст вору даже тех денег, что стоит само золото.

– Но это все же лучше, чем ничего, – заметила Джорджетта.

Хьюго задумался. Слова девушки звучали весьма разумно, однако…

– В ваших рассуждениях есть одно слабое место. Воров, укравших сундуки с золотом, было четверо, и все они – мужчины, никаких девиц. – Внезапно раздался сигнал к отправлению, и Хьюго, обернувшись, увидел, что их кучер уже забирается на козлы. – Кузина, у нас нет времени. Мы должны побыстрее садиться в карету.

– Есть еще кое-что… – Джорджетта опасливо осмотрелась и прошептала: – Мужчина вон там, видите? Ну, тот, что в смешной шляпе с широкими полями…

Хьюго проследил за ее взглядом.

– Да, я его вижу. – Поля шляпы действительно казались

слишком широкими, но в остальном это был совершенно непримечательный субъект – среднего роста, ни худой, ни толстый, да и лицо самое обыкновенное… Такого увидишь – и ни за что не вспомнишь, как он выглядел, если этот человек вдруг снова не появится у вас перед глазами.

– Думаю, это полицейский. С Боу-стрит. Он тоже читал эту газету, а еще расспрашивал одну из служанок про ее жалованье.

– Отлично! Какая интрига! Теперь мы оказались в готическом романе. – Хьюго вытащил часы из жилетного кармана. – Но есть и другое объяснение: этот человек просто хочет нанять прислугу.

– Или найти ключ к загадке украденного золота, – добавила Джорджетта.

Заметив, что болтливые сестры уже забираются в карету, Хьюго сказал:

– Теперь уже нам точно пора ехать. – Он сунул часы обратно в карман. – И имейте в виду: где бы ни находились монеты, нам нужно разыскать вашего брата.

Джорджетта нахмурилась и скрестила руки на груди.

– Нет, не упрямьтесь, только не сейчас… – простонал Хьюго.

– Я хочу ехать в Донкастер, – заявила девушка. – И помните: сначала золотые монеты, потом брат. Кроме того… Знаете, а вдруг это для отвода глаз? Половина Англии переворачивает Строфилд вверх дном, пытаясь добыть награ-

ду, но мы, если поедем на север прямо сейчас, станем единственными, кто, возможно, возьмет правильный след.

Хьюго сделал глубокий вдох, затем шумно выдохнул. О боже, эта женщина доведет его до потери рассудка!

– Джорджетта, вы предлагаете авантюру. У меня нет времени прикидывать шансы, но уверяю вас, они призрачны, так что игра не стоит свеч.

– Если нет времени оценивать шансы, то не называйте это авантюрой. Давайте считать, что мы просто делаем решительный шаг, – заявила девушка, улыбнулась и добавила: – Даже если на север отправился всего один сундук, все равно игра стоит свеч. Один сундук в руках – это гораздо лучше, чем остальные пять: ведь их-то, возможно, найдут уже в июле, когда не получишь награду… Про сроки не забыли?

– Джорджетта, быстрее! – Хьюго схватил ее руку. – Едем мы или нет, но наш багаж скоро отбывает.

– Тогда лучше его забрать. – Высвободив руку, девушка бросилась к карете.

Хьюго тяжело вздохнул и пошел следом за ней. Приблизившись к карете, он взглянул на кучера и бросил ему шиллинг, затем попросил задержаться на минутку. Кучер что-то проворчал себе под нос, но все же кивнул.

А Джорджетта уже окликала одну из сидевших на верхних лавках женщин, указывая на свой саквояж. Хьюго подошел к девушке и тихо сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.